

Знаки ночи

Автор:

Андрей Васильев

Знаки ночи

Андрей Александрович Васильев

А.Смолин, ведьмак #2

Всякое действие имеет противодействие, в правоте этого закона в полной мере убедился обычный банковский клерк Александр Смолин. Тот факт, что он смог подчинить себе ведьмачью силу, которая случайно ему досталась, не упростил жизнь, а усложнил ее. Новые друзья, новые враги, новые тайны и загадки – вот что ждет свежее испеченного ведьмака, только-только вступившего на пути мира Ночи.

Андрей Васильев

Знаки ночи

Все персонажи и события данной книги выдуманы автором.

Все совпадения с реальными лицами, местами, банками, телепроектами и любыми происходившими ранее или происходящими в настоящее время событиями – не более чем случайность. Ну а если нечто подобное случится в ближайшем будущем, то автор данной книги тоже будет ни при чем.

Глава первая

– Если ты не перестанешь на нас так смотреть, то мы разбудим нашего повелителя, – сообщила мне грудастая русалка Лариска. – Да-да-да!

– Врет она, – презрительно опроверг слова Лариски Родька, и сплюнул на завертевшегося на крючке червяка. – Ей в радость, что ты на ее титьки пялишься. И повелителя у них никакого нет. В старые времена местным русалкам Речной Конь был указом, но его никто уже лет двести не видел. А местному водянику на этих склизких плевать. Он вообще почти все время спит, просыпается только весной, потому как в это время вода разливается, и ему от этого радостно. Да еще когда рыба икру метать начинает, он в эти поры рыбаков чересчур ретивых гоняет.

– А на Ильин день? – почему-то обиженно добавила еще одна русалка. Ее имени я не знал, но мне она нравилась больше, чем нагловатая Лариска.

– Точно, – признал свою оплошность мой слуга, который как раз забросил удочку в реку. – Еще после Ильина дня глаза продирает, чтобы утопить кого-нибудь. Традиция, как без этого? Эй, девки, если кто из вас мне на крючок старый сапог подвесит или корягу, то я вам такое устрою, что мало не покажется.

– Напугал! – вызывающе подбоченилась Лариска – Клубок на ножках!

– Я в городе был, я жизнь повидал, – веско произнес Родька и нехорошо оскалился. – И скоро опять туда уеду, чего мне с вами сидеть тут, в глуши! А когда после вернусь, знаешь, чего привезу, знаешь?

– Чего? – язвительно поинтересовалась Лариска. – То, чего у тебя никогда не было?

– Химию! – вытаращив глаза, рявкнул Родька. – Не слыхала о такой? А она – есть! Накидаю вам в реку этой химии, все тут передохнете!

– Есть такая, – негромко сообщила немного опешившей Лариске немолодая русалка с седыми волосами, которая, похоже, была у них главной. Звали ее Серафима. – Лет сорок назад в Ведомку с полей эту самую заразу спустили, так в ней даже водомерки передохли.

– Ведомка! – надула губы Лариска. – Эту Ведомку воробей перейдет, лапок не замочит.

Я глядел на это все и в очередной раз офигевал. Ну сами посудите, какова картина – лето, ночь, луна, река. Вроде все ничего? Ну да, где-то так. Только вот на берегу этой реки расположилась теплая и очень необычная компания – я, начинающий ведьмак Александр Смолин, мой слуга Родион, существо неопределенного вида, более всего похожее на меховую старорежимную муфту, только с руками, ногами и непредсказуемым характером, да еще с десятков русалок разного возраста.

Мне, кстати, всегда казалось, что все русалки должны быть молодые и красивые. По определению. Так классики в книжках писали, и в кино так всегда показывали. Да оно и понятно – русалками, если верить сказаниям, становятся юные девушки, которые сиганули в воду по доброй воле. Как правило, из-за несчастной любви.

А вот и нет! Оказывается, не так все просто. Возраст здесь вообще не играет никакой роли, той же Серафиме на глазок сильно за сорок было. Тут все решает твоя жизнь до смерти, и только она. Если у утопившейся душа была чистая, не повинная ни в чем, то она сразу отбывает туда... Куда-то туда, где ей будет хорошо. Куда точно – не знаю. Раньше думал, что в курсе, а теперь ни в чем не уверен. Мир вокруг меня оказался более многогранным и многомерным, чем мне казалось еще совсем недавно. Настолько, что я теперь многое сомнениям подвергаю. Нет-нет, речь не о вере. Просто плоскости сместились, и чтобы все снова хоть как-то устаканилось, мне нужно время.

Так вот – русалки. Если душа чистая, она отбывает в заоблачные дали, а тело... Что тело? Как повезет. Может, его прибьет к берегу, и тогда делом займется полиция, а может, течение загонит под огромную корягу, которых в этой реке немало, и оно пойдет на корм рыбам и ракам.

И даже тот факт, что это самоубийство, тут не помеха.

А вот коли на душе у утопленницы был какой грех из серьезных, то дело плохо. Плавать ей в этих водах до скончания веков, гонять мальков да болтать с подругами ни о чем в лунные летние ночи на берегу.

И топить мужчин, которых сдуру на берега этой реки занесло. Потому как каждая невинно загубленная русалкой душа дает ей возможность хоть ненадолго ощутить биение жизни в своем холодном теле.

Кстати, судя по разговорам и обмолвкам, та же Лариска не одному загулявшему мужичку водорослями на дне ноги спутала. Была она русалка разбитная и веселая, но при этом проскальзывало в ней что-то очень недоброе. То ли во взгляде, то ли в голосе.

Насколько я понял, она топить и не думала, просто шла пьяная через мостик, поскользнулась, да и свалилась в реку. Грехов за ней числилось где-то на пароход, начиная от неоднократного вытравливания нежелательных последствий греховных связей при помощи бабок-знахарок и до воровства по мелочи, потому в речной штат она была зачислена сразу же после того, как вода заполнила ее легкие.

И еще один интересный факт – самой молодой из русалок перевалило за сотню лет. Да еще с хорошим гаком. Имеется в виду не по земному летоисчислению, а по подводному. Не думаю, что после революции девушки и женщины резко перестали тонуть, но факт есть факт – светловолосая Аглая с кувшинкой за ухом была среди речных прелестниц самой юной. И это при том, что она упокоилась на дне еще при царствовании Александра Третьего. Так она сама сказала, назвав его при этом «царем-батюшкой». Лариске же и вовсе больше двух сотен лет было, поскольку она, рассказывая мне о своих похождениях еще в том мире, с удовольствием вспоминала лихого французского улана, называя его «Раулюшкой». К гадалке не ходи – служил этот «Раулюшка» под командованием какого-нибудь Мюрата. Или Нея.

Вообще-то я к русалкам хотел наведаться сразу после того, как немного обжился в доме покойного ведьмака. Точнее – теперь уже, разумеется, в моем доме. Собственном. Да-да, вот как-то так, незаметно, я стал домовладельцем, если и не по государственным законам, то по законам наследования силы и всего остального, что в рамки привычного мировоззрения не укладывается.

Так вот – очень мне хотелось посмотреть на это речное диво еще с той поры, как Родька их в каком-то разговоре упомянул. Ну все-таки русалки – это классика. Про Хозяев кладбищ я до событий, которые как катком прошли по моей жизни, слыхом не слыхивал, про подъездных тоже, а вот про девушек с рыбьим хвостом неоднократно. И в кино видел, и шутки слыхал не раз о том, что, мол, русалка

лучшая жена, потому как ее хоть в постель, хоть к пиву – всяко хорошо. Но как-то не складывалось у меня с визитом на берег реки, что протекала всего в паре километров от Лозовки. То одно, то другое, вот и дооткладывал его на самую последнюю ночь перед отъездом обратно, в Москву.

Хотя удивительного в этом ничего нет. Две с половиной недели пролетели как стрела, и каждый из дней был заполнен маленькими открытиями, сюрпризами разной степени приятности и наматыванием на ус разнообразных премудростей. Да что там! У меня и война тут имелась, самая настоящая, позиционная.

Нет-нет, не с Дарой и ее подругами. Тем более, что страшная как смерть ведьма Дара снова стала благообразной Дарьей Семеновной, любительницей телесериалов и трудолюбивой огородницей.

Но тут надо поподробнее рассказать.

Я обрел силу, а потому все договоры, что покойный Захар Петрович заключил с ведьмами, теперь распространялись и на меня. То есть вот так просто мне теперь уже кровь не пустишь. Боком может выйти.

Мне про это сама Дарья Семеновна и рассказала. Она пожаловала к дому ведьмака сразу после того, как я вошел в калитку. Даже замок с входной двери снять не успел и вещи в дом занести.

Понятное дело, я напрягся. Чего врать, если и был какой-то момент, смущавший меня в этом путешествии, так как раз эти ведьмы проклятые. Умом я понимал, что им себе дороже пытаться меня угробить, но то умом. А как представишь себе, что они всю ночь будут под окнами шлаться, так сразу не по себе становится.

Я все же не спецназовец, не рейнджер техасский и не рыцарь без страха и упрека. Я еще месяц назад был обычным клерком обычного банка, скучным, небогатым и толстеющим.

Нет, в вопросах дохода и прибавления веса для меня пока ничего не изменилось, но вот скучать стало некогда. Очень уж много вокруг меня всякого интересного происходит.

Вот, например, сейчас мне довелось повидаться с бабулей, которая, похоже, застала еще те времена, когда Русь не окрестили. Она не то что Ленина вертикального помнит, она, вероятно, даже с Ильей Муромцем знакома была.

– Вижу-вижу, – без всяких приветствий начала разговор Дарья Семеновна. – Стало быть, обуздал силу? Молодец, что еще скажешь. Я-то, грешным делом, думала, что не сможешь, что кишка у тебя тонка. Ошибалась, значит.

– Выходит, так, – согласился с ней я, ставя рюкзак и сумку на крыльцо. – Вот, не оправдал ваших надежд.

– Оно и хорошо, – заулыбалась бабка, показывая крепкие молодые зубы. – Так даже интереснее.

– Я не книжка, вам меня не читать, – постарался по возможности независимо произнести я. – В чем тут интерес-то?

– Сильный противник, он всегда лучше, чем слабый, – объяснила ведьма. – Он в жизнь перцу добавляет. Вот Захарка сгинул – и чего-то нам не хватает. А теперь есть ты – молодой, красивый. Глуповат пока, но это не беда. Может, еще успеешь поумнеть.

– Спасибо, что не добавили «вкусный», – совершенно не кривя душой произнес я. – Как-то спокойнее после этого стало.

– Это сказки все, что мы людей едим, – бабка была само дружелюбие. – Нет, когда-то давно, еще при старых богах, всякое случалось, понятное дело. Но и тогда человек в печи не жарил и всякой чуши вроде «поваляюсь, покатаюсь Алексашкиного мясца поевши» не распевал. Сердце харчили, это было. Но для чего?

– Боюсь спросить, – опять же абсолютно искренне прокомментировал ее слова я. Честно – мороз по коже прошел. Так она это буднично говорила, так спокойно, что было предельно ясно – и она человеческие сердца ела. Точно ела.

– Ритуал, – подняла узловатый указательный палец вверх Дарья Семеновна. – Он того требовал. Иначе ни Усоньша, ни Чернобог нас даже слушать не стали бы.

Господи, это сколько же ей лет? Я что-то про Чернобога слышал, конечно, но что, где и когда не вспомню. Кстати. Возможно даже в «Что? Где? Когда?» слышал, был там такой вопрос. Забавно. Каламбур.

– Но сейчас оно нам зачем? – продолжала вещать старуха. – Возни больше, чем проку. Старые боги нас не слышат из своих дальних далей, а другие на их место не пришли. Только этот, Единый.

– Да? – не удержался я – А в лесу тогда зачем хотели под травку уложить?

– Как же вас было не растерзать? – по-моему, даже обиделась ведьма. – Да ты что, милый! В тебе сила гуляет ничейная, и очень даже для нас полезная. Девица, что с тобой сюда пришла, тоже сладенькая, как конфета – молодая, нерожавшая, изрядно нагрешившая и некрещеная. Да кто же такую добычу отпустит? И обижаться за это не след. Вы пришли к нам в руки доброй волей, так что все было честно.

И ведь что досадно – хоть бабка и наводит немного тень на плетень, но в целом она права. Сами сюда приперлись, сами сглупили, сами к ним руки тепленькими отдались. Чудо, что живыми остались, сейчас я это куда лучше, чем тогда, понимаю.

– А теперь все будет по-честному, – бабка снова расплылась в улыбке. – Договор в силе, мы твоей смерти добиваться не станем. Желать будем, слабости не простим, но чтобы нож в спину или там яд в стакан – это нет. Мы не люди, у нас если слово сказано и услышано, то оно нерушимо. Потому как покон! Но и ты соответствуешь.

– Мне вы без надобности, – твердо заявил я. – Не за тем сюда вернулся. У меня свои дела и свои интересы.

– С тобой все ясно. Но есть же еще твой дружок, судный дьяк. С ним как? – прищурившись, поинтересовалась Дарья Семеновна. – Он заехать обещал. Мы не боимся, но лишней огласки нам не нужно. Вот убьем его, так ведь следом приятели притащатся, придется отсюда лет на двадцать съезжать куда-то. Зачем нам это все? Хозяйство здесь у нас, огороды, уклад привычный. Антенны спутниковые вот поставили в тот год. Скажи ему, чтобы носу он сюда не казал, и все останутся довольны.

А ведь врет она. Пусть отчасти, но врет. Нифонтов сам по себе ей, может, и не страшен, но вот его друзей она явно опасается.

– Это ваши дела, – покачал я головой. – Вот вы и разбирайтесь. Но сразу скажу, мадам – если вы чего с ним сделать задумаете, то я глаза прикрывать на это не стану. Разойдетесь миром – хорошо. Дойдет дело до драки...

– И что тогда? – заинтересованно поторопила меня старуха.

– Видно будет, – веско закончил я. – Пусть это останется для вас секретом.

– На том и порешим, – Дарья Семеновна снова расплылась в улыбке. – А пока будем жить да поживать по соседству. Может, тебе огурчиков принести, морковки, ягод каких? Урожай в этом году, слава Герману, хорош на диво!

– Слава кому? – переспросил я – Герману? А это кто?

Дарья Семеновна только грустно вздохнула, глянув на меня, да и посеменила от калитки прочь.

При чем тут Герман? Кто это вообще такой? Явно не тот, что «три карты, три карты, три карты». Но других Германов я не знал. Да и тот вроде с двумя «н» пишется.

А вот следом за этим и началось то, что кроме как «войной» никак не назовешь. Я-то думал, что опасность будет ждать меня за калиткой, а она, оказалось, таилась в доме.

Меня невзлюбил домовой, тот самый Антип, о судьбе которого я беспокоился. Знал бы – дихлофос с собой прихватил или какую-другую отраву позабористей. А может, удава в подвалах дома № 14 попробовал найти, чтобы он эту бородатую заразу удавил на чердаке.

Не знаю, что я ему сделал, но осада велась по всем правилам. Точнее, как и водится на хорошей войне, без каких-либо ограничений.

Начал Антип с того, что под утро первой ночи, которую я провел под крышей своего нового дома, меня чуть не удавил. В самом прямом смысле. «Чуть» – потому что до конца это дело он довести не смог бы в любом случае, нельзя домовому хозяина убить. Жизнь ему испортить можно, покоя не давать – тоже, даже выжить из-под крыши можно, хоть это решение и является почти самоубийственным. А вот убить нельзя.

Этот паскудник навалился мне на грудь, когда в окошках уже забрезжил рассвет и я, наконец, уснул. На новом месте мне всегда спится скверно, так уж я устроен, потому полночи проворочался без сна. И вот, как только задремал, все и началось.

Грудную клетку сдавило, горло тоже, да так, что я аж захрипел. Открываю глаза, а на моей груди сидит какое-то косматое исчадие ада, сверкает глазами, сопит и что-то ворчит в свою нечесаную бородищу.

Я только и смог просипеть:

– Ты что? Ты кто?

А этот гад мне и говорит:

– Убирайся, откуда приехал! Это мой дом!

И давит все сильнее и сильнее, так, что мне уже дышать почти нечем.

Спасибо Родьке, который от всего этого кавардака проснулся. Ох, он и разозлился! Прямо соколом налетел на Антипа и как начал его дубасить своими лапами!

– Какой твой дом! – орет. – Это нашего нового хозяина дом! Он вообще, если захочет, тебя отсюда выкинет и нового домовика найдет! Вас, поди, много, а хозяев-ведьмаков раз и обчелся! Невежа ты пучеглазый!

В результате эта парочка, сцепившись, свалилась с моей груди и начала кататься по полу, лупася друг друга куда придется.

А я только сидел, хватал ртом воздух и глазел на эту битву титанов.

Кончилось все вничью, но своего Родька добился – душить меня Антип больше не пытался. Зато начал гадить по мелочам.

То сыпанет в еду какой-то измельченной и редкостно вонючей травы, то всю ночь шуршит за русской печкой и что-то безостановочно ворчит, так, что спать невозможно. А под конец он на меня утюг с печки сбросил. Старый, ржавый, угольный еще, килограмм в десять весом. Нет, не на голову. В ногу метил. И если бы попал, то мне больница была бы гарантирована.

Кстати, это для меня была последняя жирная точка в возможном строительстве наших отношений. Я не участник телешоу, где люди только этим и занимаются, у меня столько времени и терпения нет, потому было принято решение, что с этим человеконенавистником надо прощаться. Одно плохо – я не знаю, как это сделать. И спросить не у кого. Вот так вот вышло.

Интернет тут не берет, у Вавилы Силыча телефона нет, Нифонтова беспокоить как-то неудобно по такому поводу, а больше спросить мне не у кого. Ну не у ведьм же?

Наверняка что-то по этому поводу мог бы сказать Родька, но он этот мой вопрос проигнорировал. Просто сделал вид, что не слышит меня, причем все три раза. Именно столько раз я его об этом спрашивал. Корпоративная этика, надо полагать. И это при том, что он еще дважды дрался с Антипом на чердаке, причем в последний раз они такое устроили, что я даже испугался обрушения потолка. Так они там неистовствовали.

Тем не менее сдавать его не стал.

Но это ничего. В городе все узнаю, и когда сюда приеду в следующий раз, кое-кто уйдет на улицу жить. Меру потому что знать надо. Я человек не злой, но у меня тоже есть нервы и лимит терпения.

Но если абстрагироваться от неприятности по имени Антип, то все остальное меня более чем устраивало. Серьезно. Никогда бы не подумал, что я, горожанин до мозга костей, привыкший к комфорту квартиры и благам цивилизации, буду получать столько радости от проживания в доме, где всем этим практически и

не пахнет.

Здесь ведь на самом деле почти ничего не было. Ни телевизора, ни стиральной машины, ни заказа пиццы. Даже магазина – и того не имелось, мне через неделю с небольшим пришлось пешком тащиться в неблизкое Шаликово. Хлеба-то надо купить было, и консервов. А вот «зеленый домик», наоборот, был. Да, тот самый, хрестоматийный, покосившийся, стоящий в самом углу немаленького земельного участка Захара Петровича. Мало того – мне даже пришлось заняться неким его благоустройством, под руководством вездесущего Родьки. Он мной командовал, а я подправлял крышу, углублял яму и... И не стоит касаться деталей, короче.

Вообще, надо будет зимой посидеть, подумать, и следующим летом здесь кое-что благоустроить. Вызвать пару бригад, на предмет разных полезных улучшений. «Танк» там вкопать, забор подновить, фундамент дома, летний душ поставить. Интересно, Захар Петрович в реке, что ли, мылся? Или его просто не волновали эти мелочи?

Да что там «танк»! С проводки надо начинать. Я, когда плитку, на которой еду готовил, включал, такой треск раздался, что мне страшно стало. Собственно, по этой самой причине через несколько дней я остался без связи, поскольку телефон на зарядку ставить не отважился. «Коротнет» еще, и погорел мой гаджет. Да и не нужен он мне был здесь особо. Звонить я никому не собирался, а если кто-то что-то хотел от меня, то это не мои проблемы. Я в отпуске. И пусть весь мир подождет.

Впрочем, все эти мелочи совершенно не портили настроение и общее впечатление от того, как я здесь проводил время.

А проводилось оно с пользой.

Я штудировал книгу, теперь уже имея под рукой неограниченный запас трав, причем практически любых. Родька и здесь оказался незаменимым помощником, просто-таки энциклопедией на ножках.

Не обошлось и без экспериментов, благо тут я мог не беспокоиться о том, что мне кто-то помешает или начнется пожар. Я устроил нечто вроде лаборатории на улице, под яблонями, так, чтобы меня не было видно из-за калитки, и там провел с десятков опытов, пытаясь добиться того результата, что был описан в

разных рецептах из книги. Что-то получилось, что-то нет, но это все пошло мне на пользу. С каждым разом я все более уверенно обращаюсь с весами, котлом и всем прочим, что к этому делу прилагается.

Еще я свел дружбу с местным лешим, очень даже душевным старичком. Для лесной нечисти душевным, разумеется. Он, конечно же, попробовал меня пару раз спровоцировать, как некогда другой мой знакомец из их племени, тот, что жил рядом с родительской дачей, но больше так, для проформы. Процедура есть процедура, я все понимаю. Сам служу, так сказать. Есть протокол, ему надо соответствовать.

Впрочем, все обошлось. Тем более, насколько я понял из его речей, он с Захаром Петровичем приятельствовал, причем не один десяток лет, потому и ко мне отнесся изначально благодушно.

Да настолько, что очень много разных интересных вещей мне о лесе рассказал. И даже показал. Я, если честно, даже не подозревал, какая это оказывается мощная сила – лес. Именно сила, не сказать – стихия. Это не только деревья и кустарники, не просто экосистема, как про нее пишут в учебниках. И скажу вам так – пока лес нас терпит и спускает с рук то, как мы его вырубаем и загаживаем. Но если вдруг его терпение истощится, то людям мало не покажется.

Лесовик, которого я вскоре стал называть «дядя Ермолай», даже провел меня в самое сердце своего массива, туда, куда простым людям дорога заповедана. Ни одна тропинка туда не приведет, ни один навигатор дорогу не укажет. Там дом Лесного Хозяина, там сосредоточие его власти над деревьями и зверями. И, насколько я понял, это был знак немалого доверия ко мне.

Там мне довелось повидать деревья, которым лет по пятьсот, коли не больше. И, клянусь вам, я ощутил, что они живые. Не в смысле – корни, ветки, сок, бегущий по стволу. Нет. Они мыслят. Не так как мы, по-другому, но мыслят. Чувствуют.

Если бы меня выбрала другая стезя, не путь мертвых, то я, наверное, хотел бы иметь дело именно с лесом. Есть в этом что-то такое... Исконное. Все мы из леса вышли, в конце-то концов. Славяне, в смысле.

Кстати, повидал я и проклятый клад. Точнее – место, где он закопан. Специально ночью ходил, днем его не увидишь.

Закопали его века четыре назад под корнями старого дуба лихие люди, так мне дядя Ермолай сказал. Зарыли – и не вернулся за ним никто. А он знай себе лежит. И злато-серебро в двух сундучках, и побрякушки какие-то в ларце, и безвинно убитый мальчонка лет двенадцати, которого при нем сторожем оставили. Правда, за это время кости его успели сгнить до основания, но душа все еще там обретается, при сокровищах.

Врагу не пожелаю такой клад найти. Мальчонка этот за четыреста лет настолько осатанел, что у меня от его воплей и проклятий чуть голова не взорвалась. Слушать меня этот страж сокровищ не желал, а убить не мог, потому как я на его добро не посягал. Вот оттого он так и разорался.

Я ведь поначалу его пожалел, даже подумывал, не попрактиковаться ли мне на этом бедолаге. По основному профилю, так сказать, поработать. А потом подумал – да пошел он нафиг. Не дай бог, что-то не так пойдет, засбоит, и будет этот неврастеник за мной таскаться по пятам везде.

Но в целом красиво проклятые сокровища в ночи выглядят. Красное зарево у корней высоченного дерева, которое перемежается светлыми всполохами, изображающими, что там, под землей, скрыто, то есть некий краткий каталог зарытых ценностей. Зрелище такое, что 3D отдыхает!

Ну и всякого другого я узнал немало – и о травах, и о корешках разных, и о повадках лесных обитателей.

Душевым оказался дядя Ермолай, ничего не скажешь. Он мне еще и короткую лесную дорогу открыл, когда я в Шаликово за харчами ходил. Эта дорога что-то с чем-то. Двадцать минут – и я на станции. А если по обычному пути топать – часа на полтора хода в одну сторону.

Правда, я все равно задумался вот над каким вопросом – лесовик он не злой, и дружбу с покойным Захар Петровичем водил, а его силу тогда во мне не распознал. Почему, интересно?

Или распознал, но решил не лезть в это дело? А что, запросто. Насколько я успел понять, принцип невмешательства в чужие дела в этом новом для меня мире является одним из основных. У каждого есть своя делянка и он ее возделывает, если сказать образно.

Вот так и бежали день за днем, под ласковым летним солнышком и прозрачно-синим небом без единого облачка. В городе жара, духота, смог, а тут благодать. Опять же – никаких тебе тесных костюмов и галстуков-удавок, никаких пропотевших на спине сорочек, которые вечером от впитавшейся в них соли колом стоят.

Да елки-палки, я даже брился раз в три дня. А что? В нашей деревне танцев по вечерам нету, и красотой своей неземной мне пленять некого. Ну не ведьм же, соседок. Тем более, что не очень-то мы и общались. Здоровались, если на улице сталкивались, да и только. Нейтралитет, понимаешь.

В общем, со всеми я перезнакомился, кроме болотника, который проживал недалеко от Лозовки, и его супруги, которую дядя Ермолай презрительно называл «кикиморой». А может, и не презрительно, может, это ее настоящее имя было. Нет, я бы и к ним наведалься, но Лесной Хозяин очень мне не советовал этого делать, мотивируя свои слова тем, что болотник и раньше не славился покладистостью и добротой, а после того, как часть его владений осушили и на их месте поставили какой-то завод, вовсе озверел, а потому топит в чарусьях любого, кто сдуру сунется в его лапы. Сначала топит, а уже потом разговаривает, когда бывший человек в болотного упыря превратится.

Я рассудил, что к подобным предостережениям следует относиться серьезно, и в болота не полез. Да и на что они мне?

Хотя там, конечно, разные полезные травы растут, судя по записям в книге. Но, с другой стороны, я всегда их могу в другом месте пособирать. Или по старинке поступить, заказать в интернете.

А вот к русалкам я все же выбрался, пусть и в самую последнюю ночь. Интересно же на них посмотреть.

Что примечательно – они сразу поняли, кто я такой есть. Не знаю уж как, но факт есть факт. Только слышав мои шаги по песку, все призрачно-бледные

девушки, сидящие близ воды, обернулись ко мне, окинули взглядом, а после разочарованно вздохнули.

– Не человек. Ведьмачок. Тот самый, – задорно хохотнула грудастая красотка и тряхнула нечесаной гривой волос. – Молоденький и свеженький. Ведьмачок, если ты принес нам гребешок, то подари его мне, не пожалеешь. Если Лариску одарить, то и она в долгу не останется. Если непонятно, то Лариска – это я.

Подобное поведение подруги возмутило других русалок настолько, что они немедленно сцепились в словесной перепалке, которая, впрочем, закончилась так же быстро, как и началась.

Я тем временем разглядывал этих фольклорных персонажей, все сильнее убеждаясь, что сказки не всегда верны. Нет у них никакого рыбьего хвоста, ноги как ноги. И волосы не зеленые. И не все они красавицы.

А вот что было удивительным, так это то, что они про меня знали. До них донеслись вести о том, что в Лозовке появился новый ведьмак. Интересно, откуда? Я спросил, но результат не последовал. Поулыбались загадочно-ехидно речные обитательницы, да и только. И принялись болтать о всякой ерунде. А Лариска даже обвинила меня в том, что я на ее грудь пялюсь.

Родька же на водных дев и вовсе внимания не обращал, у него другое было на уме. Сначала он из-под какого-то пня достал рыбацкую снасть, им же, как видно, давно и припрятанную, потом зубами отгрыз от ивы длинный хлыст, сварганил удочку и забросил крючок в воду.

– Ты нас, ведьмачок, особо ни о чем не пытай, – посоветовала мне Серафима, после того как я попробовал у них узнать, что за Речной Конь такой. Родьку об этом спрашивать было бесполезно, он уставился своими круглыми глазами на поплавок, сделанный из гусяного пера, и, по-моему, даже не дышал. – Не все мы тебе рассказать можем. У тебя земное, у нас свое, водное. Разные мы, понимаешь?

– Если честно, то не очень, – признался я. – Но как скажете.

– Ты лучше приходи через пару недель, как останний летошний денек настанет, – посоветовала мне Аглая. – Только не днем приходи, ночью, как у нас

положено. Это особая ночь, ведьмак. Мы плясать под луной станем.

– Прекрати немедленно! – цыкнула на нее Серафима.

– Я приглашаю тебя, ведьмак, – блеснули в свете луны глаза Аглаи. – Приходи, буду ждать.

– Дура девка, – подытожила Лариска. – Но ты, если придешь, то гребешок мне захвати.

– И мне, и мне, – раздались голоса русалок.

Что за гребешки-то? Те, что едят, или те, которыми причесываются? Надо у Родьки уточнить.

– Если приду – принесу, – сказал я. – Но обещать не стану. Просто я сегодня в город возвращаюсь. Пора. Отпуск кончается.

– Я буду тебя ждать, – настойчиво повторила Аглая. – Не пожалеешь.

– Клюет! – заорал в это время Родька и дернул удище. – Здоровенная рыбина! Линь небось! Или лещ большой, со сковородку размером!

Это оказался не линь и не лещ. На крючке висело оплетенное водорослями и почерневшее от воды и времени древнее сиденье от унитаза, то, которое в народе называли «стульчак».

Глава вторая

Никогда не подозревал, что Родька может быть настолько мстительным. Нет, бесспорно, знакомы мы были недолго, но мне казалось, что я вроде как разобрался в характере своего новообретенного слуги.

Кстати, на редкость нелепо звучит – «своего слуги», никак не привыкну. В жизни бы не подумал, что у меня появится слуга. У нищих, как известно, их нет. А я, по сути, он и есть. Ну не совсем бомжатка, разумеется, но недалеко от этого состояния ушел. Как, впрочем, подавляющее большинство населения этой планеты в целом, и конкретной страны, в которой я проживаю, в частности. Само собой, что на вечере встреч выпускников и при общении в социальных сетях с давними знакомыми я с гордостью причисляю себя к «среднему классу», и даже привожу аргументы, подтверждающие данный факт, но, по сути, это не более чем способ самоутверждения. Правда, радует то обстоятельство, что я не один такой.

Любой из нас, клерков, в плане трудоустройства уязвим невероятно, причем неважно, в какой сфере кто работает. Банки, трастовые компании, туристический бизнес – везде есть мальчики и девочки, которые привычны к десятичасовой постоянной улыбке, умеют набирать текст на клавиатуре «вслепую» и отвечают на телефонный звонок даже дома отработанной до автоматизма фразой: «Добрый день, меня зовут Виктор, чем я могу вам помочь?». Но, по сути, это все, что они умеют.

Нам хорошо, когда все в стране хорошо. А вот как только ее шатнет чуть посильнее, тут-то веселье и начинается. Первыми с работы вылетаем мы, люди из младшего и среднего звена. У власть предержащих в компаниях, трастах и холдингах свои законы, взаимосвязи и пакеты акций, пусть с одним процентом, но все же. А нам хвататься не за что, поскольку ни соломинки, ни даже гадюки, как в народной пословице, нашему брату никто не протянет.

Ну а мы с какого-то момента во внутренних разговорах «кадровиков» перестаем быть Александрами, Аленами, Юлиями, Владимирами и приобретаем новый статус – «балласт компании». А что делают с балластом? Верно, его сбрасывают. А наши обязанности раздают тем, кто уцелел во время кадровой резни и остался на борту, причем с непременным комментарием:

– Мы за тебя долго боролись, еле отстояли. Но, сам понимаешь, надо доказать и оправдать. Так что теперь должностных обязанностей у тебя прибавится. Что? Ты совсем обнаглел. Какая доплата? Радуйся, что вообще работать остался.

Я такое видел не однажды, правда, мне везло, и пока ни один из девятых валов «кризисного террора» меня не утопил. Но каждый раз мне было не по себе. Никогда не знаешь, когда на твоей спине «кадровики» мишень нарисуют.

Оно и понятно, у меня запасного аэродрома нет. Я кроме того, чем занимаюсь сейчас, больше ничего и не умею. Хорошо тем, кто имеет какую-то вторую профессию, у них альтернатива есть. А я... Черт, да мне кроме банка и ткнуться-то некуда. Точнее – было некуда, теперь-то кое-какие перспективы вырисовываются, пусть пока не сформировавшиеся окончательно, туманно-призрачные, но все-таки, все-таки...

А в целом выходит, что вроде у нас, менеджеров среднего звена, все более-менее есть, а по жизни мы если и не нищие, то близко к тому стоим. Чуть сильнее тряхни – и посыплемся, как груши с дерева.

Про духовность я и вовсе промолчу. Нет, мы охотно спорим о Достоевском, Бегбедере и Мураками, слушаем концептуальную музыку и смотрим авторское кино, честно пытаюсь на нем не заснуть. Это тренд, это надо, мы же еще и интеллектуалы. Но если доходит до дела... Мне знакомая одна рассказывала, что она, когда институт закончила и диплом получила, то с группой на природу поехала его обмывать, на два дня. Шашлыки, водочка, все такое. Понятное дело, когда луна на небо вылезла, народ решил спеть хором. Не знаю, как в Европах, а у нас выпить водки и не спеть хором, это хуже, чем выпить водки и не закусить.

Так вот – единственной песней, которую все до единого присутствующие знали наизусть, оказался «Владимирский централ».

А, вот что еще забыл сказать. Это были юристы. Вечерники. И многие из них уже работали по профессии, кто в следственном комитете, кто на таможне, а кто и в прокуратуре.

Ладно, это что-то меня занесло в сторону.

Так вот – Родька бурчал остаток ночи, все утро, пока мы собирали вещи, и даже в электричке, сидя в рюкзаке, то и дело издавал какие-то звуки. А еще время от времени начинал толкаться.

Хорошо еще народу в вагоне было мало и по соседству со мной никто не пристроился

Вот как его сидение от унитаза за живое задело.

Но подозреваю, что русалки тут были и ни при чем. Просто так получилось. Ну бывают на свете совпадения.

Другое дело, что Родьке это объяснить было невозможно. Он существо упертое до крайности, и если что для себя решил, то все, хоть кол на голове ему теши. Ничего не изменишь.

Когда в следующий раз поеду в Лозовку, то надо будет проследить, чтобы он и впрямь какую-нибудь отраву с собой не прихватил, а после в реку не бросил. Мне русалки понравились. Не знаю, за что их так фольклористы не любят, зачем всякие гадости про них пишут. Спокойные оказались барышни, не буйные. Знай сидят ночью на берегу, беседуют, при полной луне танцы танцуют. И вдобавок все как одна с непростой судьбой. Их пожалеть хочется, а не бояться. Всех, кроме Лариски. В ней как раз что-то такое, неприятное, было.

Хотя, возможно, меня они не тронули просто по некоему родственному признаку. Я ведь, по сути, теперь один из них. Из кого? Да из тех, кого на свете не бывает. Ведь так родители детям говорят, когда те спрашивают, есть ли Баба Яга, Кощей Бессмертный, Дракула и Сейлормун на самом деле? «Это все сказки». И я теперь тоже сказочный персонаж. Отчасти. Процентом на тридцать. Ну сами посудите – я могу общаться с мертвыми, дружу с русалками, лешими и подъездными. И воюю с домовым. Кстати, – не сомневаюсь, что после моего отъезда Антип устроил большой праздник и, возможно, даже украсил дом по этому поводу.

Хотя, думаю, насчет Сейлормун родители детям правду говорят. Вряд ли она есть на самом деле.

А если серьезно – в том мире, который большей частью живет при лунном свете, в социальном смысле все сбалансировано не хуже, чем в обычном, человеческом. А может, даже и лучше. Люди склонны время от времени от безделья и по недоумию сотрясать устои общества и рушить все до основания, чтобы потом построить некий новый мир, который с огромной долей вероятности будет немногим лучше старого.

Здесь же все давным-давно определено и разложено по полочкам. Каждый знает свое место, каждый знает, что почем и кто за кого впряжется, если что. Понятий «друг» и «враг» у них нет, но некое подобие деления на «своих» и

«чужих» имеется. А еще там все решают традиции и покон. Да, тот самый покон, про который я много слышал еще до отъезда в Лозовку. Насколько я смог понять, это был некий свод законов, по которому мой новый мир существовал с тех времен, когда старые боги еще спускались на Землю и бродили по ее дорогам, выдавая достойным награду, а негодяям заслуженную кару.

Про этот самый покон знали все, с кем мне довелось пообщаться, но как только я пытался узнать, где с ним можно ознакомиться, так сказать, в первоисточнике, на меня смотрели как на душевнобольного. Даже Родька, и тот только уставился на меня своими круглыми глазищами, похлопал ресницами и ничего не сказал.

А жаль. Мой богатый офисный опыт говорит о том, что заучивать инструкции и положения наизусть дело бессмысленное, но ознакомиться с ними надо непременно. Никто никогда не знает, когда наступит день переаттестации. Но он непременно приходит, рано или поздно. И, как водится, внезапно и вдруг. Потому надо хотя бы знать, где стоит та самая папка, в которой можно найти ответы на вопросы.

Что примечательно – в моей настольной книге, той, что досталась по наследству, про покон нет ни слова. То ли мои предшественники не сочли нужным про него упоминать, то ли для них это была настолько прописная истина, что говорить про нее было просто глупо.

В общем, мне было о чем подумать в электричке, которая неспешно везла меня в Москву.

Вообще-то изначально я даже домой не планировал заезжать, а сразу хотел рвануть на дачу родителей. Для того и уехал из Лозовки за четыре дня до конца отпуска. Ну а как по-другому? Надо. Я же тамошнему лесному хозяину обещал помочь, отпустить привязанные к месту своей смерти души. Они там лет четыреста маются, и ему как бельмо на глазу.

Нельзя сказать, что я очень высокоморальный человек и вот так всегда свое слово держу, но здесь и ситуация другая. Во-первых, врать таким сущностям дело неблагодарное. Телефонов у них, понятное дело, нет, и скайпа тоже, но что-то мне подсказывает, что новости из одного леса в другой, пусть даже и неблизкий, будут переданы быстро. Во-вторых, – мне очень хотелось попробовать себя в этом деле.

Нет, страх имел место быть. Книгу я штудировал исправно, и, хоть по моей новой специальности там почти ничего сказано не было, все равно встречались фразы, к ней относящиеся. Вот хоть бы одна из них, написанная неким Евплом еще веке в пятнадцатом, кабы не раньше: «Аще мертвого того за кромку не спровадиши, он теб? житья не дастъ. Будет ходити, блазнити, и жизнь твою тянути». Не исключено, что речь идет вовсе не о неупокоенных душах, а о каком-то бродячем мертвеце или даже вариации некоего древнерусского вампира, одетого вместо шелкового камзола и изысканного парика в армяк и лапти, но все равно холодок по спине пробирает.

Но если просто дома сидеть и всего бояться, то это мне пользы не принесет.

И еще, – души на той поляне – это самое то, что мне нужно. Очень уж они в нашем мире засиделись, и, насколько я понял, это играет мне на руку. Дело в том, что неупокоенные души, изрядно задержавшиеся на Земле, перестают осознавать себя. Проще говоря – они чем дальше, тем больше теряют индивидуальность. Время помаленьку, но при этом непреклонно, стирает из них все то, что было присуще тем личностям, которыми они некогда являлись, усредняет, делает просто безликими фантомами, существующими по привычке. Без памяти, без желаний, без всего. Хотя нет, желания могут быть. Например, при случае напакостить живым, это в них заложено на уровне инстинктов. А еще такие сущности почти всегда мечтают о том, чтобы наконец прервать свое бесполезное существование.

И вот тут наши желания совпадают. Им надо уйти, а мне надо понять закономерности этого процесса.

Разумеется, это присуще только бесхозным душам, которые существуют вне здорового кладбищенского коллектива, вроде тех, что обитают в лесу близ дачи моих стариков. На кладбище действуют другие законы, там есть Хозяин, и только он решает, кому и как проживать в пределах его территории. Хотя и там, я так думаю, все не так гладко обстоит. Не может душа с двумя-тремя веками за спиной ощущать себя такой же личностью, как при жизни. Не может она не завидовать тем, кто еще жив. Хоть в чем-то.

Так вот – я сразу хотел на дачу к родителям рвануть. Но чем ближе мы подъезжали к Москве, тем больше крепло у меня желание домой заехать. Сумку бросить, ванну принять, телефон, опять же, зарядить.

Да и Родьку там оставить тоже не мешало бы. Вообще-то я хотел все дела там переделать и смыться обратно в город до того, как мои старики туда нагрянут. Но, зная маму и ее чутье, можно смело утверждать, что этот номер у меня не пройдет. А значит, моему мохнатому приятелю лучше там не появляться.

Разумеется, это все были отмазки, но звучали они у меня в голове очень убедительно. А потому через час с небольшим я подходил к своему подъезду, вдыхая забытый за две с половиной недели пыльный и жаркий городской полуденный воздух.

– Э, стой, а! – открывая подъездную дверь, услышал я женский голос. – Стой!

Как ни странно, этот оклик предназначался мне. Это была дворничиха, она потрясала метлой, довольно шустро приближаясь ко мне. Как ее, блин, зовут-то? Вроде, Фарида. Или Хафиза?

– Ты что делаешь, а? – даже не подойдя поближе, укоризненно произнесла она и покачала головой. – Ты зачем уехал, а?

– В смысле? – опешил я. – Уехал – значит, надо было.

– Надо ему было! – возмутилась работница ЖКХ и грозно стукнула черенком метлы об асфальт. – Ты что, глупый совсем? У тебя женщина беременная, а ты уехал!

– Кто у меня? – выпучил глаза я.

– А Марина-апа с пятого этажа? – пристыдила меня дворничиха. – Забыл, э? Она твоего ребенка носит, а тебя рядом нет! Из-э-эх! Так разве делают! Я ее даже не виню теперь! Чем с такой как ты жить, лучше вообще никто не надо!

Как видно, я пал в ее глазах на самое глубокое дно самого глубокого ущелья, поскольку после этих слов Фарида повернулась ко мне спиной и отправилась восвояси.

Так я и не узнал, в чем она Маринку винит. Хотя и могу догадаться, чрезмерной нравственностью моя соседка сверху никогда наделена не была.

Но зато понял, о чем речь шла. Точно, было такое. Эта язва в свое время целый спектакль разыграла под названием «А.Смолин – подлый растлитель», для того чтобы со мной в Лозовку увязаться. На свою же голову. С тех пор все бабушки в нашем доме, равно как и работники коммунальных служб, были уверены в том, что она носит моего ребенка. И даже плоский живот, который Маринка с завидным постоянством демонстрировала всему миру, натягивая на себя вызывающие топики, не являлся аргументом, опровергающим данную аксиому.

Все-таки приятно, что есть некие вещи, которые никогда не меняются. Например – последствия маринкиных проделок. Они всегда выходят боком кому угодно, только не ей самой. Исключением может служить, пожалуй, та самая достопамятная поездка в Лозовку, когда она через свое упрямство и любопытство чуть жизни не лишилась.

А еще к таким вещам относится родной дом, особенно если ты холостяк. От чего уехал, к тому и приехал. Стабильность. Есть в этом что-то такое, согревающее душу.

– Дома! – радостно сообщил мне Родька, которого я сразу же выпустил из рюкзака. – Наконец-то!

– Не понял? – удивился я. – Ты же меня сколько времени агитировал за то, чтобы мы съехали из города в деревню?

– Было, – не стал спорить мой слуга, прошлепал в комнату и залез на кресло, которое, похоже, он возвел в ранг своей личной собственности. – Но чего-то сравнение не в ее пользу. Не в пользу деревни. Там телевизора нет. И чайника электрического. И воды с пузырьками, которая «Саяны».

– Это да, – признал я, посмеиваясь.

Да и то. Мне, горожанину, охота обратно, а он, всю жизнь в глуши проживший, рад, что в город вернулся. Вот уж, воистину – кому что.

– Хозяин, – облизнулся вспомнивший про свою любимую газировку Родька. – Надо в лабаз идти. Холодильник-то пустой. Чего есть будем?

– Гречки полно, – не смог я отказать себе в удовольствии немного над ним поиздеваться. – И риса. И пшена.

– Да? – опечалился Родька. – И соли с сахаром?

– И их тоже, – подтвердил я. – Ну, какие еще будут аргументы?

Слуга призадумался.

– С возвращенцем! – слышалось с кухни. – Как съездили?

– Мое почтение, Вавила Силыч, – громко произнес я. – Хорошо. Мне даже понравилось там. Воздух чистый, никакой суеты и спешки. Есть в загородном существовании нечто такое, что мы потеряли. Вот даже уезжать не хотелось.

– Это, Александр, потому, что ты там был гость, – как всегда степенно объяснил мне подъездный, входя в комнату. – Ты туда ненадолго приехал и знал, что вернешься в город. Опять же – лето на дворе, и с погодой тебе повезло. А оставь тебя там на постоянное проживание, да особенно поздней осенью или зимой, когда все снегом завалит, то у-у-у-у! Частный дом – это тебе не городская квартира. Там капает, тут поддувает, снег самому надо чистить, дрова пилить-колоть, печку топить.

– А я на что? – обиженно подал голос с кресла Родька.

– И еще за этим обормотом в оба глаза смотри, – согласился с ним Вавила Силыч. – Вот сколько всего. Так что, Александр, живи, где родился, то есть здесь, в городе. Не ищи от добра добра.

– Так и в мыслях не было переезжать, – заверил подъездного я. – Кстати, из забавного. Я там с домовыми характерами не сошелся. Он меня из дома как только не гнал. Даже душить пытался.

– Да что ты? – изумился подъездный. – Родион, а ты куда глядел?

– Чуть что, так Родион! – взвился вверх мой слуга. – Я ему, мохнорылому, три раза морду мям, объяснял, что нового хозяина надо не меньше, чем старого,

читать. Он не слушает, говорит, что городских в гробу видел, не указ они ему.

– Видать, из старых домовик, – со знанием дела вынес суждение Вавила Силыч. – Из исконных. Да и тьфу ты на него, Александр. Дом он все одно беречь станет, такая его судьба. И тебя, как хозяина, со временем тоже признает. Любить, может, и не будет, а читать станет, никуда не денется. Ты, главное, в ближайшее время ремонт там не затевай, старые стены не рушь, чтобы его злобу до крайности не доводить. А потом все устроится. И плохо про него даже не думай, он чужого на порог не пустит и умышлять против тебя не станет.

Значит, с ремонтом пока не сложится. Да и ладно, мне там не жить. Да и не факт, что я вообще в этом году туда еще пожить отправлюсь. Отпуск кончается, лето тоже к концу идет, скоро осень. Дожди пойдут, грязь там будет несусветная. А как снег ляжет, я туда и вовсе не доберусь.

Интересно, а откуда ведьмы продукты зимой берут? Летают за ними, что ли?

– А у нас тут все по-старому, – Вавила Силыч сурово глянул на Родьку. – Все свое дело знают, кроме одного лентяя мохнатого, который гостю даже чаю не предложит.

Родька тут же скатился с кресла и поспешил на кухню. Вот ведь. А скажи ему я то же самое, может, и не воспоследовал бы результат. Нет, разбаловал я его.

– Марина с пятого этажа к тебе раза три заходила, – тем временем сообщил мне подъездный. – И звонила в дверь, и ногами в нее стучала. Особенно в прошлые выходные. У нее компания собралась, они всю ночь водку пили, разные разговоры вели, тебя вспоминали.

– О как, – заинтересовался я. – Что за люди?

– Коллеги ее по работе, – тут же ответил Вавила Силыч. – Я их до этого всех видел уже. И этот крепкий паренек был, Стас который. Полицейский, похоже, эту публику ни с кем не спутаешь. Он, кстати, водку и принес. Целый ящик.

А, понятно. Стало быть, дали приятелю Севастьянова внеочередную «звездочку» на погоны. Он еще тогда обещал, что если дело выгорит, то с него ящик водки.

Однако – быстро как. Времени-то прошло всего ничего.

– Вспоминали-то по-доброму? – поинтересовался я.

– А как же, – заулыбался Вавила Силыч. – Правда, о том, что ты себе на уме, тоже говорили. Но без злобы. Так, шуткой.

– И хорошо, что меня не было, – порадовался я. – В такую жару водку пить – себя не жалеть. Больше никто не заходил?

– Нет, – покачал головой подъездный. – Я бы рассказал.

Впрочем, – а кого мне еще ждать? У меня не так много знакомых, а таких, которые знают, где я живу, вообще по пальцам пересчитать можно.

Зато на телефоне, который я поставил на зарядку и после этого сразу включил, обнаружилась целая куча пропущенных звонков, и вот там было то еще разнообразие. Например, меня разыскивали сослуживцы, которым что-то внезапно понадобилось. Что именно – понятия не имею, и прямо сейчас выяснять не собираюсь. Все вызовы прошли в один день, стало быть, какую-то бумажку не нашли и пошли по пути наименьшего сопротивления, то есть – начали мне названивать. Десять звонков за три часа. А потом – как отрезало. Значит – либо нашли желаемое, либо меня уволят в первый же день после отпуска. А что? Такое бывает, я сам видел. Вышел человек на работу – веселый, загорелый, пакет магнитиков турецких в руке, а ему под нос заявление тычут и говорят:

– Подписывай по-хорошему.

Просто пока он гезлеме кушал и в бассейне пьяненький купался, всплыл «косяк» в отчетности, которую он готовил, и у банка заморочки были такие, что хоть вешайся. Проблему разрулили, понятное дело, но сотруднику этому все одно трындец настал.

Еще звонила мама три раза, Маринкин телефон раз пятнадцать отметился, пять вызовов прошли с неизвестных мне номеров, скорее всего, кто-то жаждал предложить мне положенную законом юридическую помощь или бесплатное медицинское обследование. И два раза со мной хотел пообщаться Нифонтов.

А вот это уже серьезнее. Тут придется перезвонить. Как ни крути, а у меня перед ним должок имеется, который все равно придется возвращать. Жизнь-то он нам с Маринкой тогда в лесу спас, что было – то было. И ночная заварушка на кладбище этот долг не списала, там каждый из участников решал свои собственные вопросы. Кто устранял угрозу для жизни, кто преступника, причем физически, кто звездочку зарабатывал. Каждому свое.

Я решил не откладывать разговор с оперативником отдела 15-К в долгий ящик и сразу набрал его номер, но безрезультатно. Он был недоступен.

– Вот, больше ничего нету, – сообщил Родька, тем временем накрывавший на стол. – Хоть убейте.

К чаю у нас дома были только сушки, дошедшие до состояния каменной твердости.

– Не шуми, – попросил я его, убирая телефон в сторону. – Схожу я сейчас в магазин, схожу. Надо же тебе что-то три дня есть, пока меня не будет.

– Опять уезжать куда собрался? – уточнил Вавила Силыч, шумно хлюпая чаем. – Вот ты, Александр, неугомонный стал. Раньше все дома сидел, фильмы глядел или в интернете лазал, а теперь как шило тебе в одно место воткнули.

– На дачу к родителям поеду, – объяснил я ему. – Надо стариков проводить.

– Это правильно, – одобрил подъездный. – А за этого неслуха не волнуйся, пригляжу за ним. Или к делу какому приставлю.

– Опять удава ловить? – хмыкнул я.

– И-и-и-и, где тот удав! – хихикнул Вавила Силыч. – Съели его уже.

– В смысле? – опешил я.

– В прямом, – невозмутимо ответил подъездный. – Один умник из четырнадцатого дома вычитал в какой-то книжке, что копченый удав сильно вкусный. Вот они его в подвале и зажарили, там же и схарчили. И чуть не

потравились насмерть! То ли приготовили неправильно, то ли еще чего не так с этой змеюкой. Фомич, их старшой, цветом лица как фрукт апельсин стал, весь оранжевый. Зрелище, я тебе доложу! Прямо такая радость на душе у меня была, когда на него смотрел, словами не опишешь.

Нет, все-таки какая у меня жизнь теперь интересная началась! Кому расскажи, что домовые зажарили и съели в подвале обычного московского дома удава, ведь не поверит никто. Да что там – за психа примут. А ведь оно так и было на самом деле.

– Когда поедешь-то? – уточнил у меня Вавила Силыч, хрустя сушкой. – И на сколько?

– Завтра, – потянувшись, ответил я. – Сегодня уже лень. И до воскресенья.

Хотя, может, и до субботы. Тут все зависит от того, до какой степени маму пробьет на хозяйственную деятельность, и насколько удачлив я буду при побеге с родных шести соток.

Август на дворе, мои старики каждые выходные теперь туда ездят, урожай собирают. Помидоры поздние, груши, тыквы, кабачки. Так что дело всегда найдется, для меня в особенности. Вон, хоть бы бочку тягать опять заставят.

Эта бочка – мое проклятие. Когда-то синяя, а теперь желтая от ржавчины, она мыкается по нашему участку как «Летучий голландец». Ну как мыкается? На моем горбу катается.

То мама в ней огурцы сажает, и она занимает место за беседкой. На следующий год она решает найти ей другое применение, а именно приспособить под сжигание мусора, после чего я качу этого круглого монстра на противоположную сторону участка, к забору, где для пущей бочкоустойчивости копаю новую яму. И так год за годом.

Последние несколько лет она опять выполняла огородно-огуречную функцию, но это потому, что мне хватало ума на дачу особо не соваться. Но теперь все может перемениться, я же буду там.

Кстати – как напророчил. Ну или у мамы веб-камера на заборе стоит, и она отслеживает через сеть, кто там около ее дачи трется. Стоило мне только на следующий день приехать на дачу и открыть калитку, как зазвонил телефон.

– Саш, ты где? – требовательно спросила мама. – Почему трубку две недели не брал?

Я попытался что-то объяснить, но она привычно не стала меня слушать, высказав кучу претензий по поводу моей безалаберности и невнимательности к близким своим. Кончилось все приказом прибыть в эти выходные на участок, чтобы хоть часть моего отпуска пошла на благое дело. Если не сегодня вечером, то завтра утром точно.

– Уже, – хмуро ответил ей я, прекрасно понимая, что за этим последует.

Но врать не стоит. Только хуже себе сделаю.

– Что «уже»? – изумилась мама.

– На дачу приехал, – объяснил я. – Излагай, что делать. А то ведь мне уже завтра уезжать.

Нет, полных два дня, до воскресенья, я не выдержу. Родительская любовь – это святое, но рассудок дороже.

– Тогда самое главное, – деловито сказала мне мама. – Бочка!

В результате я провозился со всей этой канителью чуть ли не до заката. Нет, мне раньше в лес и не надо было идти, но ведь можно было вместо этого на диванчике полежать и в телевизор потаращиться. А вот хрен-то!

Как иные товарищи с родителями до седых волос живут, а? Это же с ума сойти можно что такое!

В лес я вошел тогда, когда багровое солнце стремительно начало валиться за верхушки елок. Повторюсь – август, смеркается теперь раньше и быстрее, чем в июне-июле. Да и ночи темнее стали, это в начале лета даже в полуночный час

небо все равно прозрачно-светлое. А теперь – куда там.

Я убрал в карман телефон, с которого только что еще раз пытался дозвониться до Нифонтова, достал из пакета, прихваченного с собой, краюху хлеба, положил ее на пенек и громко сказал:

– Добрый вечер, батюшка лесной хозяин. Не побрезгуй моим угощением и позволь погулять в твоих владениях.

– Я же тебе сказал, паря, что ты в моем лесу всегда желанный гость, – слышалось из-за ближайших кустов. – Хотя за хлебушек спасибо.

– О чем речь! – я помахал рукой шагнувшему мне навстречу старичку в ватнике и кепке с надписью: «Таллин-80». – Почему не порадовать хорошего... Кхм...

Слово «человека» тут было не сильно уместным.

– Да ладно, – верно расценил мое смущение лесной хозяин и прихватил с пня краюху. – А ты, я гляжу, за это время успел-таки к силе ключик подобрать? Молодец. Хитер да умен, два угожья в нем.

– Учужали? – сразу же любопытствовал я.

Мне вообще было интересно, как эти существа моментально узнают таких, как я, как им удастся распознать, что у меня есть сила. Подозреваю, что это у них врожденный талант, который нам, людям, недоступен.

Хотя... Та мерзкая болотная ведьма, что меня чуть не прирезала ночью в парке, тоже ведь что-то учужала.

Но мне пока такое было не под силу.

– А как же! – даже как-то возмутился старик. – В мой лес ведьмак пожаловал, да еще и из тех, что с «той стороной» знает, а я про это сразу не проведаю? Что же я тогда за хозяин этому месту. Ты, кстати, чего пришел-то? Так, лясы поточить или по делу какому?

– Слово сдержать, – веско произнес я. – У меня как? Сказано – сделано.

– Молодец, – лесной хозяин поправил кепочку. – Даже два раза. Первый – потому что обещания свои помнишь. Второй – потому что нахваливать меня не стал, мол: «как вам да не помочь, вы же такой-разэдакий». Любит ваше ведьмовское племя пустыми словами сорить, лишь бы нужное получить.

А вот это интересно. Кто это кроме меня сюда захаживал и когда? И чего от этого старичка-лесовичка хотел?

– Так пошли, – дед махнул свободной от ковриги рукой, и перед нами появилась тропинка, ведущая вглубь леса. – Солнце почти село, к тому времени, как дойдем, и эти канительщики на поляну вылезут.

Глава третья

Лесной хозяин все сказал верно – несмотря на то, что мы шли к последнему пристанищу неупокоенных душ самой что ни на есть короткой дорогой, добрались мы к ней уже в темноте.

Темнота эта, правда, была весьма условной. Тропу, по которой мы шли, подсвечивали какие-то гнилушки, воткнутые в пни, и светляки, кружившиеся над нами.

– Из тебя выйдет хороший ведьмак, – толковал мне тем временем лесовик, бодро топавший впереди. – Если начал с того, что обещание свое сдержал, то точно так и будет.

– Ну а как по другому-то? – скромничал я. – Слово дадено, нешто я его нарушить могу?

– А вот это ты заканчивай – повернувшись ко мне, помахал узловатым пальцем лесной хозяин. – Ни к чему эти все «нешто» да «надысь». Время вокруг другое, и говорят люди теперь по-иному. Ладно я, коряга старая, но ты-то из нынешнего, нового времени? Вот и будь самим собой. А если ты мне приятное хочешь

сделать, то лучше нежить с моей поляны высели. Ясно?

– Предельно, – кивнул я.

– Время – оно меняется, – засопев, снова двинулся вперед старик. – И все остальное вместе с ним тоже. Хочешь выжить – будь умнее, не пытайся вернуть то, что ушло навсегда. Я вот это понял давно, потому и хозяин до сих пор этому лесу. А те, кто пытался за старое, отжившее, цепляться – где они теперь?

– Где? – заинтересованно спросил я.

– А нигде, – хохотнул лесовик. – На нет сошли, как яд у старой змеюки. Клык остался, а отравы там нет, пережила она её. Пыхтят, страшат, друг дружке говорят, что они все еще владыки мира, даже забредшего к ним дурняком человека убить могут, а проку-то от того? Силы нет, радости бытия нет, крова своего нет. Туман – и только. А в тумане, как известно, ни толку нет, ни жизни. Сырость одна.

Интересно, это он о ком вообще говорит? Кого в виду имеет?

Но развить эту тему мне не удалось – мы пришли к конечной точке нашего путешествия, выйдя из березовой рощицы напрямиком на заветную поляну.

– Давай, – ткнул лесной хозяин пальцем в смутные тени, мелькавшие над поляной, побряхтывая, сел на землю под ближайшей березой и вытянул ноги, обутые в старые галоши. Под галошами виднелись шерстяные носки грубой вязки. – А я погляжу, как ты это делать станешь. Интересно ведь.

– А до этого вы ни разу не видели, как души неприкаянные отпускают? – изумился я. – Вам ведь лет уже... Много, короче.

– Видел, не видел – тебе какая в том печаль? – как мне показалось, с насмешкой, ответил вопросом на вопрос лесовик. – Делай свое дело, ведьмак.

Легко сказать. Там, в Лозовке, мне все это представлялось довольно несложным, а тут, под звездным августовским небом, точка зрения маленько изменилась. Нет, страха не было, но вот сам процесс... С чего начать-то?

Я ведь всего две души и опустил за всю свою недолгую ведьмачью карьеру. И обе были не против этого, более того – мне помогали. Потому как сами были ведьмаками при жизни. Так сказать – корпоративная этика в действии. А тут...

Тем временем тени, скользящие над поляной, как видно, учуяли меня и короткими смазанными движениями стали подбираться все ближе.

– Отпусти меня, – вскоре услышал я слова, знакомые мне еще по прошлому визиту. – Отпусти. Укажи путь.

Как и тогда, вслух эти просьбы не произносились, они звучали внутри моей головы. Неприятное, кстати, ощущение. Как когда зуб сверлят под анестезией. Боли нет, но вот этот скрежет, запах медикаментов и костной пыли, брызги воды... Бррр!

Сначала голос был один, того призрака, что подлетел ко мне быстрее остальных, но потом его товарищи по несчастью тоже подтянулись поближе, и через минуту мои уши заложило от их:

– Открой Врата! Спаси! Отпусти меня! Отпусти!

Шутки-шутками, но возникало ощущение, что сейчас моя голова просто взорвется от того бедлама, что творится вокруг.

– Так! – не выдержал я, приложил к ушам ладони и заорал в голос: – Заткнулись все!

Невероятно, но это сработало. Призраки замолчали, причем все и сразу. Мало того – они даже перестали кружить надо мной и опустились на землю, если это можно так назвать.

– Вот, – похвалил их я. – А то устроили тут, понимаешь.

Лесной хозяин одобрительно крякнул за моей спиной.

– Так, – я размял ладони, уж не знаю, зачем. – Выстраиваемся друг за другом и подходим ко мне по одному.

Ну надо же с чего-то начинать? В книге по этому поводу ничего не сказано, а мой личный опыт заключается, как я говорил, в отправке в конечную точку бытия только двух застрявших на земле душ. Думаю, надо повторить то, что я тогда на кладбище делал, а если не сработает, то тогда двинусь путем проб и ошибок. В любом случае, эти тени, похоже, сильно навредить мне не смогут. Максимум занудят до полусмерти.

Да если честно, они меня вообще не волнуют. Вот то, что лесной хозяин может обидеться – это серьезно. Но, с другой стороны, он видит, что я пытался сдержать слово, так что авось выкручусь. Это переговорный вопрос, проще говоря.

Ну и вообще – не надо думать о том, что ты проиграл, до начала матча. Игра заканчивается только тогда, когда звучит финальный свисток.

Господи-добрый-боженька, какая ерунда в голову лезет!

– Вот ты, ко мне... Э-э-э-э-э, – я ткнул пальцем в одну из теней. – Даже не знаю. Подлети?

Туманный сгусток, в котором с трудом улавливались человеческие очертания, приблизился ко мне.

Когда я отпускал ведьмаков, мы соприкасались пальцами. Но у того призрака этот палец хотя бы был. А здесь нет ничего.

– Ладони моей коснись своей ладонью, – сказал я сгустку, который колыхался в каких-то сантиметрах от моего лица. – Ну или чем еще, я не знаю даже. Что-то же у тебя там есть?

Я поднял руку, и выставил свою ладонь вперед, так, как это делают мужчины, желая показать друг другу, что шутка оценена. Ну или когда «Спартак» наконец-то забил гол хоть кому-нибудь. А то играют, понимаешь, играют, а чемпионами раз в двадцать лет становятся. Не все болельщики и доживают до этого триумфа.

Тень обволокла мою ладонь, я ощутил влажное прикосновение, такое, какое бывает, когда попадаешь в туман.

В голове у меня ощутимо бамкнуло, так, что даже уши заложило, перед глазами пронеслись какие-то смазанные видения, более всего похожие на фотоальбом, пролистанный с приличной скоростью. Женщина в длинном льняном балахоне с вышивкой, какие-то мальчишки с огромной рыбиной, которую они несли в пятером, кудрявый добрый молодец, лукаво подмигивающий кому-то, младенец, пускающий пузыри в архаичной колыбельке, подвешенной за веревки к потолку, и в конце концов яркий отблеск солнца на сабле, резко опускающейся вниз.

Все это мелькнуло перед глазами и пропало, по телу прошел легкий холодок, а сгусток тумана, стоявший передо мной, рассыпался на сотни мелких брызг и стал не более чем росой на траве. Да и та через пару мгновений высохла.

– Молодец, – подал голос лесовик. – Справился! А то были у меня, понимаешь, сомнения!

– Рад, что оправдал оказанное мне высокое доверие, – выдохнул я, прислушиваясь к себе.

Шутки-шутками, а первая тень, отправленная... Куда-то там, не знаю куда. Те две, они все-таки не в счет. И свои это были, и рядом Хозяин кладбища стоял.

А тут другое дело.

И, что главное, внутренний голос в колокол не бил, и «Беда! Напасть!» не кричал. Значит – все прошло нормально.

К тому же выводу пришли и тени. Они в силу возраста хоть и не обладали особым разумом, но сообразили, что к ним все-таки пожаловало избавление в моем лице, после чего даже выстроили некое подобие очереди, как я у них и просил.

Самый же шустрый уже колыхался прямо передо мной.

– Погоди, – сказал я ему. – Дай дух переведу.

А я знаю, что это был за фотоальбом. Это последние воспоминания, оставшиеся от той личности, которой некогда был призрак. Надо думать, что тогда, в шестнадцатом веке, он был женщиной. Вот я и увидел то, что для нее было в жизни самым главным, то, что даже время не стерло – образы ее матери, мужа и ребенка. Ну и момент смерти.

Грех так говорить – но круто. Вот прямо круто.

Хотя вопросов теперь стало еще больше. Например – что я буду видеть, упокая более молодого призрака. «Молодого» – в смысле, не столь древнего как эти, не так давно умершего. Пару часов кряду смотреть кино под названием «И это все о нем»?

И сразу возникает следующий вопрос – вот на кой мне вся эта информация нужна? Интересно, никак нельзя от нее абстрагироваться?

Сгусток тумана, колыхающийся совсем, рядом недовольно толкнул меня в грудь, как бы давая понять, что пора бы и им заняться. «Толкнул», конечно же, сказано слишком громко, я, естественно, ничего не ощутил, но посыл был именно такой.

– Давай, давай уже, – проворчал я и снова поднял ладонь.

Все случилось, как и в прошлый раз, только фотоальбом изменился. Точнее – первый фрагмент был похож, это снова была женщина в длинной рубаше, изукрашенной вышивкой. А вот потом все было менее лирично, чем у предыдущей тени. Пара стоп-кадров с перекошенными рожами в крови, фрагменты какого-то застолья, а после еще и женское лицо, с закрытыми глазами, капельками пота на лбу и закушенной нижней губой. Ну и как финал – поджарый усач в синем кафтане и с изогнутой саблей в руке, надо полагать, тот самый поляк, который четыре века назад убил сгусток тумана, колыхавшийся передо мной.

При жизни это точно был мой брат по полу, причем он умел и любил пожить широко и весело. Был он не дурак подраться, выпить, закусить и с девками поелозить. Я все-таки жизнь повидал, ясно же, отчего та красавица губу закусила.

– Лучше бы дальше здесь летал, – пробубнил вдруг лесовик от своей березы.

К чему он это сказал, я понял на секунду позже. Этот призрак не рассыпался росой, как предыдущий, его вдруг словно скрутила некая огромная рука, смяла, скомкала, а после вбила в землю у моих ног. Нет, никакой разверзшейся бездны, никакого разлома. Просто бесформенная масса тумана, причем уже не серого, а антрацитово-черного, впиталась в землю – и все. Даже мокрого места от нее не осталось.

А еще мое сознание зафиксировало короткий отчаянный крик. Совсем короткий и внезапно оборвавшийся. Как видно, перед тем как покинуть эту землю, бывшая бесплотная тень на секунду обрела понимание кто она и что она. И, возможно, осознала, каким будет ее конечный пункт прибытия.

Стало быть, за душой у этого бывшего человека не только пьянки и гулянки, а грехи посерьезней. Такие, за которые покоем не награждают.

Ясное дело, это только мои предположения, но думается мне, что так оно и есть на самом деле. Иначе как объяснить тот факт, что одна неупокоенная душа, как видно безгрешная, ну или не свинячившая в жизни сверх меры, стала росой, а вторая почернела и отправилась под землю?

Да и слова лесовика это подтверждают.

Блин, значит, все это тоже есть? Ну – ад, рай и прочие достопримечательности в стиле Данте Алигьери?

Не скажу, что я совсем уж скептик, или, того хлеще, атеист, но на подобные темы раньше особо не задумывался. Не моя это тематика, далек я от нее. Да что там – это сейчас вообще не очень принято. Нет, одно время была мода на посещение церквей, держание поста, освящение офисов и личного исповедника. Особо стильные дамы даже заводили себе брендовые косыночки от модельеров со сложносочиненными итальянскими именами специально для походов в храм Божий. Но это было давно, и вера уже вышла из тренда. Если же говорить конкретно обо мне, я и тогда этого не понимал, и сейчас не очень приветствую, несмотря на свое равнодушие к данному вопросу. Как по мне – отношения человека и Бога дело исключительно интимное, они не должны становиться

темой для обложки глянцевого журнала или репортажа музыкального канала. Нашел человек в себе Бога – хорошо. Не нашел... Ну значит, не нашел. Может, еще сложится. А может и нет, поди знай. Все от тебя зависит. Но выносить это на публику, как по мне, не стоит.

Но, в любом случае, заветы веры соблюдать по возможности надо. Мы не знаем, что нас ждет там, за закрытой дверью. А если все это правда? Если там и в самом деле нас судить по делам нашим будут? Ну а вдруг? И что тогда? Переделать-то уже ничего нельзя, и никакой адвокат не поможет. Там все будет предельно просто и честно – вот твоя жизнь, те дела, которые ты в ней наворотил, и тот, кто будет решать, чего ты теперь достоин. По справедливости решать.

Кстати, мне теперь ТАМ ничего хорошего особо не светит. Если судить меня по божьим канонам, то я накосячил по полной. Врать не стану, со словом Божьим я не очень знаком, но обрывков куцых знаний мне хватает для того, чтобы это понять. Судите сами – я свел дружбу с представителями языческих культов, промышляю магией и стремлюсь стать образцово-показательным специалистом в богопротивной отрасли. А если учесть мое профессиональное прошлое и настоящее, то все станет совсем печальным. Я банковский служащий. Мы прокляты изначально и по полной программе. Нам райских врат даже издалека не видать.

Следующий туманный сгусток тем временем уже нетерпеливо колыхался рядом, ему не терпелось покинуть эту Землю. И все повторилось снова – удар по моему сознанию, женщина в «дольнике», смеющаяся девушка с толстенной косой, лица ребятишек и огненный росчерк сабли.

Стоп. А что такое «дольник»? Это слово мне незнакомо. Но при этом я точно знал, что та рубаха, которая была надета на женщине с первого фото, называется именно так.

Одна за другой тени то рассыпались на брызги воды, сверкающие в лунных лучах, то уходили в землю, напоследок оглушив меня воплем. Причем то место, где они в нее ввинчивались, становилось все темнее, трава на нем пожухла и выглядела так, будто уже пришел октябрь.

А еще становилось все прохладнее. Меня буквально трясло от холода, даже зубы лязгать начали, как в лютую стужу.

– Уффф, – потер я себя за плечи, когда последний туманный сгусток стал росой. – Задубел совсем. А еще говорят о глобальном потеплении. Август на дворе, а колотун, как зимой.

– Какой колотун? – тихонько засмеялся лесной хозяин. – Три недели дождей не было и ветра почитай, что совсем нету. «Вёдро» стоит. Это, парень, тебя та сторона привлекает, там-то всегда стужа. Помнишь, как оно зимой случается? Ты дверь на улицу открываешь, так тебя непременно воздухом холодным обдаёт. В доме-то тепло, а там-то студено. Вот ты сейчас такую дверь и открывал, да еще много раз и без перерыва. Само собой, что до костей пробрало.

– Ух ты, – проникся я. – Вот ведь!

То ли растирание помогло, то ли я просто согрелся, но холод отступил.

– А вообще, ты поосторожней, – посоветовал мне лесовик. – Я останавливать тебя не стал, потому как у тебя своя голова на плечах есть, но на будущее запомни – силы надо соразмерять. Два с лишним десятка душ в один прием отпустить – это, знаешь ли... Та сторона хитра, только и ждет, когда ты ошибешься. Если кровь твоя остынет, душа замерзнет, она тут же это почувствует, и жди беды.

– Так подсказали бы, – я подошел к лесовику и присел с ним рядом. – Понятно, что у меня своя голова есть, но совет лишним не бывает.

– Вот и посоветовал, – невозмутимо ответил мне старик. – Как закончил, так сразу и посоветовал. А ну как ты бы взял и передумал, кого-то из них на потом оставил? У меня, парень, свой интерес есть, и он всегда будет выше, чем твой. Ты, к слову, это тоже на ус наматывай. Это у людей чужое выше своего, случается, стоит. «Общее дело» там, или «все как один». А у нас всяк кулик только свое болото славит. Мое – это мое, а твое – это твое. Сначала я свое должен получить, полной мерой, а уж после о твоём благе, может, подумаю. А может, и нет.

– Спасибо за науку, дедушка, – я передёрнул плечами, сбрасывая с себя остатки сонной изморози. – Запомню твои слова.

– Вот-вот, – лесовик сунул мне в руки круглый туесок. – На, костяники поешь. Она сейчас в самую силу вошла, и для тебя как раз очень полезна. Да что ты по одной в рот кладешь? Горстями загребай, как положено.

Не знаю, чем именно костяника для меня полезна, но употребил я ее с удовольствием. Вкус у ягод был терпкий и сладкий одновременно, чем-то напоминающий ночной лесной воздух.

– Дедушка, – спросил у лесовика я, прожевав очередную горсть ягод. – А что такое «дольник»?

– Сарафан так тут называли, – охотно ответил старик. – В старые времена, понятное дело. Как, стало быть, у девки кровя пошли, она из рубашонки дитячьей выскочила, так сразу в дольник влезла. Без вышивки, вестимо. С вышивкой только замужние бабы носили. А «дольником» его прозвали, потому как подол низкий был, до «долу» опускался. Не след девке, а тем более замужней бабе, другим мужикам ноги свои показывать.

– Как все непросто, – не знаю, в который раз, сказал я. – Повидали бы наши предки, в чем мы теперь ходим.

Стало быть, не совсем бесследно исчезали тени. Я получил часть их знаний. Мизерную, копеечную – но получил. Хотя – даже не знаний, это я маханул. Слово «дольник» у меня в памяти осело и даже связалось с внешним видом одежды, но при этом само значение осталось загадкой. Это больше всего похоже на приобретение рефлексорных навыков, когда мозги не включаются и действие происходит на уровне мышечной памяти.

Ну и ладно, с паршивой овцы хоть шерсти клок.

– Березками тут все засажу, – вещал тем временем мечтательно лесной хозяин. – Под осень самое то. Хороший хозяин как раз об это самое время дерево сажает.

– А мои родители всегда весной деревья сажают, – удивился я.

– Весной тоже можно, – кивнул лесовик. – Да только тогда ему приживаться сложнее, сколько всего в земле ползает да вокруг летает. А зимой сок по стволу не идет, мороз же кругом, а корешку тепло, хорошо под снегом. Нет, осень – самое то, особенно для березки. Посажу да приглядывать буду. Лет через двадцать здесь от поляны и следа не останется, рощица будет.

Вот тут я и понял, почему этого странного старичка называют «лесной хозяин». Он хозяин и есть. Ему каждое дерево как родное, он его от рождения до смерти знает. Этот лес – он его жизнь.

Как он только нас, людей, терпит? Ведь ни один короед столько вреда его владениям не приносит, как мы.

Но поднимать эту тему я не стал. Себе дороже может выйти. Эти сущности, они ведь как стихия – никогда не знаешь, что им в голову взбредет. Людей можно хоть как-то разгадать, просчитать, нейролингвистически запрограммировать, в конце концов, а этих... Фига с два.

– Можно вопрос? – обратился я к старику, получил одобрительное сопение в ответ и продолжил: – Вот вы сказали, что, мол, «любит ваше ведьмовское племя пустыми словами сорить, лишь бы нужное получить». А это вы о ком речь вели?

– Да заходил ко мне один в гости, – насупился лесной хозяин. – Из ваших как раз. Когда это было-то? Еще до большой войны. Да не той, что с германцем, той, что с французом. Много чего обещал, выпросил у меня «одолень-траву», а слово не сдержал.

Ну это он зря сделал. Хорошо хоть, что это было невесть когда, еще в первую Отечественную, срок давности преступления прошел.

Но, вообще, так не поступают. Зачем же наш цех так позорить и на весь ведьмачий коллектив пятно позора накладывать?

– Ладно, – лесовик встал с земли. – Пошли, что ли? Тебе поспать будет неплохо, да и у меня дел полно. На опушке детишки нынче костер вечером палили, надо проверить, загасили или нет. Да и парочки попугать охота, их в августе много ко мне в гости захаживает. Так, знаешь, весело на них филина напустить или кустами похрустеть! Девки визжат, боятся! Потеха!

Стоп-стоп-стоп. Было такое. Мы как-то со Светкой, моей бывшей, в лесу целовались, это еще до свадьбы было, в «конфетно-букетный» период. И так все славно складывалось, я уж было почти до намеченной цели дошел, а тут прямо над головой у нас сова заухла. Светка перепугалась до смерти от неожиданности и в поселок меня утащила. Ну и прахом все мои надежды пошли, пришлось еще две недели ждать, пока она у меня ночевать не осталась.

Так вот чьи это проделки были! Ну, старый... Пень!!!

Как видно, дед понял, о чем я думаю, больно у него ухмылка ехидная на лице гуляла.

Все по той же короткой тропинке мы добрались до того места, где лесная дорога превращалась в поселковую, и на прощание лесной хозяин мне сказал:

– Исполать тебе, ведьмак. Ты не думай, что я совсем уж неблагодарный, мне покон ведом. За добро, что ты мне сделал, при случае отплачу. Надо будет спрятаться от лихих людей – приходи, укрою так, что с собаками не сыщут. Трав каких или кореньев если захочешь у меня в доме собрать – милости просим. Ну и слово пущу о тебе, чтобы всякий лесной хозяин в наших краях знал, что ты не лиходея, вежеству учен и дело с тобой иметь можно. Но ты на это особо не рассчитывай, кланяться другим хозяевам хлебом да добрым словом не забывай. У нас ведь каждый сам за себя. Выслушать меня выслушают, но и только.

– Благодарю, – поклонился я лесовику. – Помог я вам по доброй воле, но от подарка такого не откажусь. Особенно от трав и кореньев. Не все купить можно, что-то надо будет самому добыть.

– Мандрагыр нужен, – ехидно сказал дедок. – Да? Мандрагыр? Ладно, приходи следующим летом, накануне летнего солнцестояния, покажу тебе место, где один зрелый корень есть. Хороший корень, крепкий, толстый, знающая ведьма за него второй раз душу продаст, и даже в третий. Он под деревом растет, где века два назад одна девка удавилась от несчастной любви, так что сила в нем большая. Хоть травы кого, хоть от бесплодия бабу лечи – на все сгодится.

Вообще-то я о мандрагоре не думал, но от такого подарка не откажусь. Тем более, что этот корень от бесплодия лечит. Если эта штука на самом деле

работает, то на ней большие деньги можно будет поднять. Ну если с умом подойти.

А что тут такого? Ведьмачье ремесло, между прочим, достаточно недешевое удовольствие, запасы Захара Петровича скоро иссякнут, а новые денег стоят. Так почему бы и не подзаработать?

Кстати, еще неизвестно, на чем мой покойный несостоявшийся учитель свои первые капиталы поднимал. Видел я его офис на «Чертановской», который он незадолго до смерти как раз достроил. Двадцать с лишним этажей, стекло, металл и парковка на полсотни авто. Цифру, в которую все это обошлось, мне даже представить затруднительно. Не знаю я таких.

Конечно, это все еще надо обмозговать как следует, с Вавилой Силычем посоветоваться, но почему бы об этом хотя бы не подумать? И чем я хуже матушек Агафий и потомственных колдуний Светозар?

Хотя следует не забывать и о том, что магические услуги – это тоже бизнес, со своими законами и подводными течениями. А любой бизнес всегда не любит тех, кто в него приходит незванным и пытается стащить с общего стола плюшку. Потому что плюшки на этом столе все уже посчитаны и поделены между едоками.

Обо всем этом я думал, уже распрощавшись с лесным хозяином, по дороге к дому. Где, кстати, меня поджидал изрядный сюрприз. А именно – мои старики решили не ждать завтра и приехали сегодня.

Экая досада! Не успел я сбегать. Теперь все. Утром, по холодку, мне не на автобусную остановку топать, весело присвистывая, а что-нибудь копать. Или таскать.

Так оно и вышло.

В то субботнее утро я испытал все радости сельского бытия. Я и копал, и таскал, и даже кисточкой успел помахать – мама заставила нас с отцом подкрасить хозблок. А под конец еще отправила меня выкидывать мусор.

Управился я аж в три ходки, всерьез заподозрив, что мама специально его копила в ожидании меня в каком-то замаскированном углу. Ну не могли мы столько отходов с батарй сегодня произвести. Ладно – банки из-под краски. Ладно, я слышал, как щелкала сучкорезом мама. Но откуда эти ржавые металлические рейки?

Но основная неприятность поджидала меня рядом с нашим домом, когда я, потный, взъерошенный и злой, в третий раз возвращался от поселковой помойки.

Эта неприятность совершенно не изменилась за то время, что мы не виделись. Она была одета в сиреневый сарафанчик, вертела в руках букетик каких-то цветов и насмешливо глядела на меня тем самым взглядом, от которого когда-то я терял дар речи.

Моя бывшая жена, как всегда, была свежа, прелестна и голубоглаза.

И за словом в карман не лезла.

– Смолин, – удивленно и без какого-либо наигрыша произнесла Светка. – А я ведь своим глазам не поверила, даже очки мамины специально напялила на нос. Смотрю в окно – батюшки, мой бывший, как муравей, веточки на помойку тащит. Сопит, кряхтит, надывается, брюшком, отросшим от фаст-фуда, трясет. И откуда только здесь взялся? Ты же сюда уже несколько лет нос не кажешь, лишний раз со мной встречаться не хочешь.

Вот ведь память. Ну было такое, сказал я ей при разводе, что вероятность нашей возможной встречи стремится к нулю, поскольку я теперь туда, где мы можем столкнуться даже случайно, носа не суну. А особенно на родительскую дачу. Я сам давно про эти слова забыл, а она – нет.

И нет у меня никакого брюшка. Это мой стабилизационный фонд.

– Маме-папе помогать надо, – по возможности независимо ответил ей я. – Они уже старенькие, сами не справляются.

– Саша, – в этот момент выглянула из калитки мама. – Давай не задерживайся, с отцом надо еще душевую кабину перевернуть. Он и сам справится, конечно, но ты подстрахуй. Ой, здравствуй, Светочка!

Мама не желала смириться с тем фактом, что мы развелись, и до сих пор лелеяла надежду на то, что все еще образуется.

– Здравсьте, тетя Лена, – бодро ответила моя бывшая. – Он уже идет.

– Разговаривайте-разговаривайте, – тут же сменила тон мама. – Митя и сам все сделает, как-никак спортсмен бывший!

И калитка закрылась.

Я ждал очередной колкости, но ее не последовало. Светка стояла, молчала, смотрела на меня и вертела в руках свой букетик цветов.

Самое забавное – мне тоже ей сказать толком было нечего. Поначалу, как только развелись, я столько всякого передумал, а сейчас... В голову ничего не приходит.

Нет, права Маринка. Мы с ней как-то у меня сидели, «мортишкой» баловались, и она тогда сказала, что встреча с бывшим – это как поход на кладбище. Стоишь над могильной плитой, думаешь о том, что не сделал, не сказал, не донес до человека, а изменить ничего нельзя. Все давно сгорело, превратилось в прах, ушло в землю, и ничего не осталось. А если даже и осталось, то применения этому не найдешь – человека-то уже нет.

Все так, все верно. И сейчас тому есть прямое подтверждение, оно стоит напротив меня.

Кстати – вот еще одно свинство этой ситуации. Ну почему мы с ней встретились именно сейчас, когда я лохматый, чумазый, в трениках и сланцах на босу ногу? Нет чтобы в городе, чтобы я в костюме дорогом был, и все такое. Ну как человек чтобы выглядел.

Чушь какая в голову лезет.

– Н-да, – наконец сказала она. – Ты не изменился. Разве что располнел. А так – все тот же. Никогда ты не умел в нужный момент найти правильные слова. Я уж не говорю о твоей патологической неспособности принимать мужские решения.

– Какой есть, – по возможности безразлично произнес я. – Другим не буду.

– В том и беда, – вздохнула Светка и повторила: – В том и беда.

– Не знаю, других во мне всё устраивает, – пошел я по-простому и банальному пути, то есть начал использовать обкатанные и проверенные поколениями мужчин фразы. – Это тебе все не так во мне было и не эдак.

– Смолин, вот какой же ты... – Светка, как видно, хотела поддержать нашу кинематографическую беседу не менее заштампованной фразой, но ей сделать этого не дали.

– Сашка! – донесся до меня чей-то голос, после мою шею обвили девичьи руки, а в щеку ткнулись мягкие губы. – Как же я соскучилась!

Глава четвертая

– Смолин? – удивленно подала голос Светка. – Это кто?

Кто, кто. Я и сам в первую минуту не понял, что происходит. Некому меня сейчас нежно лобызать, и скучать по мне тоже особо некому. Нет у меня ни с кем ничего такого. С Сашкой Вязьминой из операционного отдела нечто лирическое намечалось по весне, но потом это все сошло на «нет». Как ни крути, но служебные романы, пусть даже представителей разных банковских служб, к добру не приводят. Слухи, сплетни, советы, отдел по работе с персоналом... Короче, слишком много «нет» и чрезвычайно мало «да». В общем, переспали мы с ней пару раз, да тем и ограничились.

А уж о той девушке, которая меня сейчас обнимала, я даже и думать в этой связи никак не мог. Хотя бы потому, что она с пистолетом не расстается и характер имеет такой, что даже мне, ко всему привычному, не по себе

становится. Маринка – и та поспокойней и поуравновешенней будет, чем эта рыжая бестия.

Но не воспользоваться данной ситуацией было бы грешно. Хоть бы даже для того, чтобы умыть Светку.

– Женька! – радостно заорал я, и даже приподнял невысокую и легонькую сотрудницу отдела «15-К» в воздух. – Приехала!

– За тобой! – восторженно ответила Мезенцева, сверкнула зелеными глазами и лихо поцеловала меня в нос. – Я же говорю – соскучилась ужас как! Вот вообще!

Самое забавное – не врет. Точно, за мной приехала. Понадобился я ей зачем-то. И не ей одной, вон у поворота знакомая до боли машина стоит. Не сомневаюсь, что в ней за рулем сидит еще один мой знакомый, тот самый, до которого я второй день дозвониться не могу.

– Ну не буду вам мешать, – чопорно сообщила Светка. – Рада была повидаться, Саша.

– А это знакомая твоя, да? – спросила Мезенцева, тут же подошла к моей бывшей и протянула ей свою ладошку. – Привет, я Женя.

– Добрый день, Женя, – почему-то помрачнев, потрясла ее руку Светка. – Рада знакомству.

– Я тоже, – бодро отозвалась Мезенцева и повернулась ко мне. – Слу-у-ушай, Саш, а тут есть где искупаться? Жара страшная, так хочется к воде – жуть! Да и позагорать было бы неплохо, солнце-то какое! А если еще и «тарзанка» есть, так это вообще отлично будет!

– Есть у нас тут озеро, – показал я рукой направо. – Можно сходить.

– Съездить, – Мезенцева потянулась, да так, что стало ясно – нижнего белья под майкой не было. Пистолета на поясе, я, кстати, тоже не заметил. Точно дождь пойдет, кончится на днях упомянутое лешим «вёдро». Эта рыжая чертовка – и без «ствола». – Ходить – это долго. Я же на машине. А оттуда в Москву уже

поедем. Ты же не против, солнце? Выходные короткие, а у нас с тобой много разных дел накопилось!

Последние слова были сказаны таким игривым тоном, что у стороннего наблюдателя, вроде Светки, не оставалось сомнений, что речь идет о разнообразных плотских утехах. Но мне было предельно ясно, что в данный момент происходит предъявление счета за услуги, оказанные мне ее отделом.

Мезенцева повернулась лицом к Светке и, как видно, решив ее добить, попутно обняла меня за талию, после чего невинно поинтересовалась:

– А может, и вы с нами? Вы ведь с моим Сашей, я так понимаю, друзья с детства? Вообще-то я жуткая собственница, но к дачным подружкам юности ревновать глупо. Где они, и где взрослая жизнь?

– Я его бывшая жена, – выдав улыбку, после которой мне стало не по себе, ответила ей Светка. – Это немного больше, чем подружка юности.

– А, понятно, – безмятежно ответила Женька. – Вы только не обижайтесь, но ключевое слово здесь «бывшая». Все уже в прошлом, потому не смотрите на меня так, как сейчас, хорошо?

– Как «так»? – я заметил, что Светка одной ладонью обхватила другую, это означало только одно – она уже «на взводе».

– Ну... – Мезенцева накрутила одну из своих рыжих прядок на палец. – Вам же Сашка был не нужен, верно? Я его у вас не отбила, не увела из-под семейного крова, а честно заполучила, когда он был ничейный. Он, кстати, и не сильно сопротивлялся.

– В последнее охотно верю, – заметила моя бывшая. – Это на него похоже – плыть по течению.

– Плыть! – страдальчески произнесла Евгения, после погладила меня по щеке, дернула за ухо и несколько раз ткнула кулачком в бок. – Хочу-хочу-хочу! Водная стихия – это мое, я по знаку зодиака «Рыбы». Светлана, так что, вы присоединитесь к нам?

– Воздержусь, – сообщила ей Светка, а после добавила: – Да и не слишком мне жарко.

После этого она повернулась к нам спиной и зашагала в сторону своего дома.

– «Спасибо» мне можешь не говорить, – с удовлетворением проследив за тем, как Светка захлопнула за собой калитку, сообщила мне Мезенцева. – Как мы ее, а? Согласись, я была чертовски органична в роли твоей девушки!

– Ну да, – без особого оптимизма признал я.

Вроде бы радоваться надо, многие хотели бы подобную свинью своей бывшей подложить, а мне почему-то невесело. Странное существо человек. Непонятное.

– А ты чего встал? – уперла руки в бока Евгения. – Давай-давай, суженый мой ряженный, собирайся. Время к вечеру, а нам в Москву еще ехать. На МКАДе знаешь какие пробки скоро будут?

– Знаю, – вздохнул я. – А без меня туда уехать никак нельзя?

– Саша, давай без банальностей, – попросила оперативница. – Без этих всяких... Ну ты понял. Все, мы тебя ждем в машине. Десять минут на сборы тебе за глаза хватит.

Ну десяти минут мне не хватило. Двадцати, ради правды, тоже. Как минимум половину этого времени я потратил на объяснения маме, почему Света даже не зашла к нам в гости, почему я не такой, как все, и почему не могу хоть раз засунуть свой поганый характер в свою же задницу, на пару с языком. Батя попытался встать на мою сторону, но быстро понял, что этот благородный порыв ведет к немалым убыткам, вроде лишения ужина и просмотра «Дачного ТВ» вместо телеканала «Весь футбол», после чего благоразумно убрался с линии огня.

И это ведь мама не видела финальной сцены с участием Мезенцевой. Страшно представить, чем бы все это кончилось, стань она ее свидетелем. Женька никак не подходит под образ «хорошей домашней девочки».

Нет, родители – это хорошо. Но только по телефону и не каждый день. Я вот за это лето что-то к ним зачастил, вследствие чего мама опять начала планомерную осаду на предмет устройства моей будущности. А ведь до того несколько лет жил спокойно, без всей этой родительской заботы.

Странно прозвучит, но вовремя Нифонтов пожаловал. Валить отсюда надо, пока не поздно. А то ведь к вечеру дело может и до лоботомии дойти. Проще говоря – мне все мозги вскипятят.

– Я не при делах, – сообщил мне Нифонтов, как только я плюхнулся на заднее сидение его машины. – Она сама инициативу проявила. Остановить, извини, не успел.

– В смысле? – устало спросил я, но после понял, о чем идет речь. – А, ты о представлении «Моя новая любовь». Ну да, вышло прямо как в сериале каком-то, вроде тех, что по дециметровым каналам крутят.

– Видел бы ты, как она на меня смотрела! – ткнула кулаком в бок Нифонтова Евгения – Слушай, Сашка, или я ничего не понимаю, или там еще чего-то тлеет. У нее в душе, в смысле. Хотя... Все от женщины зависит. Может, и нет у нее ничего к тебе, просто неприятно, что ты хоть кому-то понадобился. Такое тоже бывает. Мне вот на то, что там с моими бывшими, начхать.

– Откуда, интересно, у тебя «бывшие» возьмутся? – хмыкнул Нифонтов, заводя машину.

– Не поняла сейчас? – возмутилась Евгения.

– Чтобы были «бывшие», нужны хоть какие-то «нынешние», – пояснил Николай. – А я за два последних года ничего подобного не наблюдал.

Женька уставилась на него, потом на меня, поджала губы, сузила глаза, потом наоборот, широко-широко их раскрыла, набрала в грудь воздуха, выпустила его через рот, сложила руки на груди и демонстративно уставилась в окно, давая нам понять, что мы недостойны общения с ней.

– А как вы узнали, что это моя бывшая? – задал я вопрос, который меня крайне интересовал.

– На фотографии ее видел. Свадебной, – не стал скрывать оперативник. – Она в твоём деле есть. А Женька как-то сама просекла, у женщин на такое нюх. Как только я это подтвердил, она сразу рванула своё шоу устраивать.

О как. Уже и досье на меня сшили. И даже со свадебной фотографией внутри. Как, кстати, они её заполучили? У меня самого-то ни одной нет, все у Светки остались. У родителей вроде есть, но вряд ли мама с отделом 15-К делиться ими будет.

– Я ему помочь хотела, – не поворачиваясь, сказала Евгения. – Как другу! Знала бы, Смолин, что ты такой гад, пальцем бы не шевельнула!

– Чего сразу гад-то? – удивился я. – Слова ведь не сказал.

– То-то и оно, – обвинительно заявила Мезенцева. – А где «Спасибо, Женечка»? Где «Ты актриса от бога»? Где: «Теперь я полностью счастлив?».

– Вы оба здесь, и я в вашей машине, – удержаться от сарказма было невозможно. – О каком счастье идет речь? Кстати, Николай, я тебе звонил не раз и не два.

– Телефон сел, – ответил Нифонтов, выруливая на Калужское шоссе. – И внешний аккумулятор тоже. Кое-кто слишком часто заряжал свой плеер. А еще этот кто-то утащил из бардачка USB-шнурок со словами: «Я до завтра возьму». «Завтра» было в начале лета.

– Ой-ой-ой! – так и не поворачиваясь к нам лицом, отозвалась Мезенцева. – Жадина!

– Саш, хочешь совет? – невозмутимо поинтересовался у меня Николай.

– Не откажусь, – отозвался я.

Ну а что, правда не откажусь. Он умный мужик, это я давно понял. Почему бы и не выслушать то, что он хочет мне сказать?

– Не ведись на то, что она тебе строит глазки, – без тени улыбки произнес Нифонтов. – А она это делает, как и всегда в таких случаях. Проблем не оберешься.

– Я? – наконец-то явила нам свой лик Мезенцева, причем был он возмущенным донельзя. – Ему? Вот этому вот... Вот этому? Глазки? Да какой он мне сдался?

– Ну да, ты прав, – признал я и хлопнул Нифонтова по плечу. – Проблемы не проблемы, но все-равно как-то неприятно ощущать себя «вот этим вот».

– Да тьфу на вас обоих, – сообщила нам Мезенцева и снова уставилась в окно, на этот раз, похоже, уже окончательно.

Я тем временем достал из рюкзака шнур USB и протянул его Нифонтову.

– Раз с этим разобрались, можно и к делу перейти, – оперативник поставил телефон заряжаться, а после чуть прибавил скорость, благо дорога, ведущая в столицу нашей Родины, была почти пустая. Вот оттуда – да, жуть что творилось.

– «За» обеими руками, – одобрил его слова я. – Особенно интересует то, с какой стороны вы меня к своим делам подтягиваете. Я вроде бумаг о содействии органам на постоянной основе не подписывал.

– А гражданский долг? – еле заметно усмехнулся Нифонтов – А сознательность? С ними у тебя как?

– Никак, – признался я. – Слышать о таком слышал, но в жизни не встречал. Не довелось.

– Давай зайдем с другой стороны, – предложил Николай, дождался моего кивка и продолжил: – Вот смотри. Мы все люди, все человеки, верно?

Ну вероятность увильнуть от помощи моим новым друзьям минимальна, но зубы показать все же стоит. Чтобы совсем уж бесхребетным меня не считали.

– Все – не все... – прищурился я. – Иные девушки и не совсем они.

Бамммм! Это мне Евгения щелбан отвесила по лбу. И, главное, больно так!

– За что? – возмутился я.

– А то ты не понял? – в зеленых глазах плескалась... Нет, не злоба, а скорее – злорадство. – За «курица не птица, баба не человек».

– Да ты тут при чем? – изумился я. – Речь вообще о совершенно другой гражданке. Той, с которой я недели три назад на Белорусском вокзале познакомился.

– А, понятно, – покивал Николай. – Так себе ход, если честно. Слабенький. Но продолжай, интересно послушать.

В этот момент я почувствовал себя то ли дураком, то ли маленьким мальчиком, который подумал, что сможет всерьез насвинячить взрослому дяденьке. Елки-палки, мы с этим Нифонтовым почти ровесники. Ну сколько между нами разницы? Максимум года на два-три он постарше будет. А ощущение у меня иногда такое, что он умудренный жизнью старец, а я несмышлениш, который только-только начал головку держать.

Хотя в каком-то смысле так оно и есть. Много ли я смыслю в том, что для него повседневная реальность? Нет. А он варится в этом супе давно и, должно быть, повидал много такого, чего мне еще месяц назад даже в страшном сне не приснилось бы.

– Согласен, глупость сказал, – помолчав, признал я. – Не знаю, что на меня нашло.

– Это он про Людку, что ли? – уточнила у Нифонтова Женя. – Тоже мне, секрет. Про них весь отдел знает. И половина подмосковных ведьм тоже, ее в том году за порочную связь с «судным дьяком» чуть деревьями на две части не разорвали. Я еле-еле успела ее спасти.

– Ты? – хмыкнул Нифонтов. – Лично, поди?

– Ну мы, – поправилась Женька, услышала язвительное «да что ты» Нифонтова, и добавила: – Ладно, ты и Пал Палыч! Но отвязывала Людкины ноги от березы ведь я?

– Это было, – признал Николай.

– Слушай, Смолин, а ты мелочный тип, оказывается! – спешно начала переводить разговор в другую сторону Мезенцева. – Я-то думала, что ты если не принц, то хотя бы его лошадка, и тут такое разочарование! Фу-фу-фу!!!

– Не надо грязи, – попросил я.

Но, вообще, мне стало немного обидно. Да, я не принц, это так. Но и перегибать палку не стоит.

– Жень, человек просто хотел дать нам понять, что он воду на себе возить не даст, – пояснил девушке ее напарник. – И палец в рот ему класть не стоит. Так ведь, Саш?

– Именно, – не стал скрывать я. – Только как-то это криво получилось. Некрасиво.

– Косо, жалко, убогенько, – начала загибать пальцы на руке Мезенцева. – Не делай так больше, Смолин, а то потеряешь свое золотое место в моем сердце!

– А оно есть? – изумился я.

– Место? Пока да.

– Сердце, – уточнил я.

– А вот это можно и зачесть, – одобрительно заметил Нифонтов. – Это уже неплохая шутка. Вон, видишь, она надувается, как лягушка? Сейчас орать будет. Значит, это ты ее удачно уколол.

– Чихала я на вас обоих, – с достоинством сообщила нам Евгения. – И вообще, давай займемся делом, хватит упражняться в остроумии.

– Вот это правильно, – поддержал ее я. – Хотелось бы узнать, какого лешего вы меня с дачи похитили?

– Если среди твоих знакомых есть ведьмак, который связан с «той стороной», то это грех не использовать в своих интересах, – без тени смущения сообщил мне Нифонтов. – Точнее – в казенных. Есть работенка по твоему профилю.

– Начинающий ведьмак, – уточнил я. – Практически свежее испеченный. И сразу хотелось бы уточнить – вы вот так меня постоянно с собой таскать станете? Если да, то, может, лучше меня вовсе зачислить в штат вашей... Э-э-э-э... Организации?

– Размечтался, – фыркнула Мезенцева. – В штат он захотел!

– Это была ирония, – любезно поведал ей Нифонтов. – Александр так шутит.

– В каждой шутке есть доля правды, – тут же сообщил ему я. – В данном случае эта доля касается частоты моего участия в делах вашего отдела. Врать не буду, в том случае, если я прав, то перспектива так себе. Не то чтобы я был против помогать органам правопорядка, но у меня ведь и своя жизнь есть. Работа, опять же.

– Не волнуйся, не будем мы тебя постоянно дергать, – успокоил меня оперативник. – Просто такая ситуация сложилась. Ну вот нужен нам тот, кто может одну душу разговорить. У нас, конечно, есть свои способы узнать необходимую информацию даже у тех, кто обитает по ту сторону бытия, но в данном случае без тебя не обойтись. А информация нужна позарез. Люди умирают, Саша. Уже четверо на тот свет отправились. Четверо. Это много.

– Ну раз так, – я почесал затылок. – Тогда конечно, о чем речь.

Шутки шутками, но не совсем же я урод моральный, правда?

– Вот и славно, – одобрительно произнес Николай. – Тогда давай я тебе коротенько все изложу. Неделю назад в Южном порту был убит человек. Не скажу, что в этом есть нечто удивительное, люди гибнут в нашем городе с завидной постоянностью, мегаполис же. Но, согласись, не у каждого вырывают

сердце. Не вырезают, а именно вырывают, перед этим разворотив грудную клетку так, что даже меня проняло.

– И меня, – добавила Евгения, не поворачиваясь к нам.

– Согласен, не каждый раз, – кивнул я – А что потом?

– Через два дня был убит второй человек, там же и так же, – продолжил Нифонтов. – Что примечательно – в обоих случаях само сердце обнаружено не было.

– Я предположила, что это резвится гуль, – азартно сопя, сказала Женя.

«Гуль». Это что-то из фэнтези. У Говарда я про этих гулей читал вроде, в «Часе дракона». И в «Сверхъестественном» они упоминались. Они то ли оборотники-каннибалы, то ли разновидность вурдалаков.

Надо будет в Википедии посмотреть, как они выглядят. Новые знания лишними не бывают.

– Ну да, в общем-то, похоже на гулей, но только на первый взгляд, – помолчав, продолжил Нифонтов. – Есть некоторые нестыковки. Гуль сожрал бы не только сердце, но и печень. А еще череп бы жертве вскрыл, чтобы мозгом полакомиться. Но тут ничего подобного.

Меня замутило от той простоты и деловитости, с которой он говорил. А еще захотелось выпрыгнуть из машины, пусть даже она мчится полным ходом, и скрыться в жиденькой лесополосе, что мелькала за окном. А после сбежать куда подальше от этой парочки.

– Как ты уже понял, двумя смертями дело не закончилось, на сегодняшний день в активе неизвестной твари уже четыре трупа. Последний совсем свеженький, датирован этой ночью. – Николай наконец проявил хоть какие-то эмоции и досадливо прихлопнул ладонями по рулю. – Самое поганое, что мы могли эту пакость прихватить нынче же ночью, если бы не одно «но». Пока мы ждали ее в одно место, человека убивали совсем в другом.

– Не поверишь, Саш, нас надул призрак, – стягивая волосы в «хвост», сказала Евгения. – Сволочь такая!

Я ничего на это не ответил. Я офигевал от услышанного.

– Жень, не беги впереди паровоза, – попросил напарницу Нифонтов. – Понимаешь, Саша, свидетелей произошедшего не было. Да оно и не удивительно. Южный порт по размеру территории как пять Люксембургов. Или даже больше. Ангары, склады – черт ногу сломит. И потом – люди, которые там работают, вообще не склонны совать нос в чужие дела. Знаешь, это как в Вегасе – что там происходит, то там и остается. В старые времена, может, и по-другому было, но последние десятилетия даже рьяных общественников перековали.

– Но про покойников-то вы как-то узнали? – возразил я.

– Не путай, – осадил меня Нифонтов. – Речь не о том, что там всё скрывают, в том числе и преступления. Это бизнес, Саша, никто ничем подобным заниматься не станет. Естественно, при обнаружении мертвого тела была вызвана полиция, следом за ними примчались комитетские и так далее, по процедуре, включая «труповозку». Конечно, подобные места – некие анклав, со своими многолетними сложившимися внутренними порядками и традициями. Но это же не «Черкизон», в Южном порту работают законопослушные люди, там есть охрана, дирекция и все остальное, что должно быть. Короче – свидетелей убийств не было. Кроме одного.

– Того самого призрака, который вас надул? – резонно предположил я.

– Именно, – вздохнул Николай. – Его присутствие уловила Виктория, одна из наших сотрудниц. Вообще-то она у нас больше по заклинаниям, но и в других областях кое-что смыслит. Мало того – она умудрилась даже его разговорить, и он вроде как пошел на контакт, вызвался помочь. Но вот только в результате закончилось это печально.

– Проще говоря – он нас поимел, – просто и безапелляционно сообщила Мезенцева. – В переносном смысле, конечно, но при этом крайне жестко.

– Мы могли бы справиться с ним сами, – продолжил Николай. – У нас есть способы и заставить его говорить, и просто уничтожить, но это потребует

времени. И, не стану скрывать, ресурсов. Чтобы его поймать, а после выжать из него правду, Вике придется рисовать крайне сложный каббалистический круг с символами и использовать заклинания, которые изначально противны человеческой сущности. И это при том, что она еще до конца не отошла от предыдущей беседы с этим красавцем. Просто призрак там старый, а потому сильный. Из тех, что не развоплощаются с годами, а, наоборот, матереют.

Это да, это встречается. В большинстве своем неупокоенные души со временем превращаются в безликие тени, вроде тех, что я вчера отпускал на волю. Но бывают и такие, которые, напротив, как бы обретают вторую жизнь. Загробную. Как и в первом случае, в них от изначальной личности остается не так уж много, но зато выковывается новая, вбирающая в себя при этом все те скверные качества, которые были свойственны покойному при жизни. Собственно, все злобные привидения из фильмов ужасов и сериалов на мистическую тематику списаны как раз с таких сущностей. Мне про них лесовик из Лозовки много рассказывал. У него один такой призрак почти век в осиновой роще обретался, клад охранял, и попутно свинячил всем, кто попадал в зону его внимания. И так он лесному хозяину за это время надоел, что тот в результате навел на этот клад какого-то мимохожего колдуна, который зловредного призрака и изничтожил.

Но если это похоже на правду, то в остальном услышанном мной как-то очень много неувязок. Чересчур. Не думаю, что так уж сложно нарисовать этот самый круг с символами. Да и кое-что другое меня смущает.

– Слушай, чего-то не понимаю, – помотал я головой. – Как-то непонятно выходит. Ты же тоже можешь видеть умерших? Помнишь, на кладбище, когда мы к тамошнему Хозяину ходили? Ты черта, что у нас проводником был, зрел не хуже меня. И общался с ним. Даже сделку тогда заключил!

– Так он был не против того, чтобы я его видел, – пояснил Нифонтов. – Вспомни – он сам этого хотел. И потом – это кладбище. Там действуют другие законы не-жизни, за соблюдением которых внимательно следит Хозяин. А здесь – город. Это, брат, совсем другая сказка. Тут все по-взрослому.

Отмазка, признаемся, сомнительная, но при этом звучит формально допустимо. Интересно, вот зачем ему все это? Явно ведь дело не только в пресечении преступления, хотя, само собой, это имеет место быть? Может, не хочет своих коллег подставлять? Или хочет на меня еще разок поглядеть в экстремальной

ситуации? Не знаю, что из этого верно.

Но вписываться придется. И должок, повторюсь, за мной, да и полезен этот Нифонтов мне в будущем может быть. Мало ли как оно повернется?

И, если уж совсем честно, у меня внутри появился некий азарт, до того мне совершенно несвойственный. Я, как и всякий порядочный клерк, давно усвоил простую истину: «Не суйся в мутные темы, если не хочешь найти на свою задницу проблемы. Ну или делай это за большие деньги, заранее оформив «шенген»». Больших денег мне никто никогда не предлагал, а потому я никогда не лез в дела, от которых пахло риском, нестабильностью и возможными проблемами.

Здесь три этих запаха сплелись в один мощный аромат, причем самого главного компонента, который мог бы подвести под это предприятие хоть какое-то логичное обоснование, здесь не было. Проще говоря, я нарушал все правила, по которым жил последние годы.

И мне отчего-то это даже нравилось. Может, дело в том, что это все было настолько не похоже на то, как я жил раньше?

– А от меня-то что требуется? – задал вполне резонный вопрос я.

– Эй, приятель, кто-нибудь дома есть? – перегнувшись через сиденье, постучала мне по лбу Мезенцева. – Нам надо, чтобы ты вытряс из тамошней нежити все подробности произошедшего. И я говорю не о том, кем он был до смерти и прочих пикантных подробностях его бытия, а о том, что он видел за последнюю неделю. Уверена, этот поганец все знает.

– Редкий случай, – заметил Нифонтов, сворачивая на развязку, ведущую на МКАД. – Нечасто в том потоке сознания, который, как правило, льется из моей напарницы, проскальзывает хоть что-то рациональное. В принципе, все верно. Что знает по этому делу он, должны знать мы.

– И как вы себе это представляете? – совсем уж опешил я. – Мне что, брать призрак за грудки и трясти, пока он не выложит все правду?

– Понятия не имею, – как-то даже весело ответил мне Нифонтов. – Кто из нас ведьмак – ты или я? Может, так, может, как-то по-другому. Главное – результат. Надо это дело пресекать, и срочно. Четыре одинаковые смерти – это почти «серия», скоро в Южном порту будет не протолкнуться от наших коллег и, что хуже, от журналистов. Работать будет положительно невозможно, потому все надо закончить быстро, лучше всего – сегодня. Плюс еще один нюанс – кто бы это ни был, действует он нагло, не сказать – бездумно, а значит, останавливаться и не подумает. И если следующей жертвой станет журналюга или кто-то из наших, вой поднимется до небес.

– Ровнину еще после третьей смерти кто-то звонил «сверху», – добавила Евгения. – Он очки после этого разговора постоянно с носа снимал и усердно тер тряпочкой. Те уже блестят, как у кота шарундулы, а он все трет и трет.

– Вот, – назидательно произнес Нифонтов. – Значит – плохо дело. Значит, присели ему на мозг неслабо.

Ровнин. Это их начальник, я помню эту фамилию, ее тогда на кладбище тамошний служитель упоминал.

– В общем – думай, – посоветовал мне оперативник. – Или покемарь маленько. Время есть, нам стоять теперь – не перестоять.

Это да. Мы влипли в пробку на МКАДе, которая, как известно, не имеет ни начала, ни конца. Потому что эта дорога кольцевая.

Кстати, мне мой родитель рассказывал, что в бытность свою юношей, то есть каких-то три десятка лет назад, он частенько шастал из родного Теплого Стана в сопредельный Мосрентген, который славился красотой проживавших там девушек. Так вот, он пересекал МКАД туда-обратно, даже не вертя головой по сторонам. Тогда по нему проезжали три машины в час, не более. И никаких тебе «отбойников», надземных переходов и всего прочего.

Благословенные времена.

Самое забавное было в том, что, поразмышляв над причудами недалекого прошлого, я и в самом деле уснул. Физический труд на воздухе и неслабые эмоциональные всплески сделали свое дело.

Когда я проснулся, МКАДа за окном машины уже не было. Зато наличествовали сумерки, а также какие-то ангары, краны и прочая экзотика, которую в мегаполисе можно увидеть не всегда и не везде.

Мы прибыли в Южный порт.

Глава пятая

– Приехали? – поинтересовался я, зевнув.

– Проснулся? – повернулся ко мне Нифонтов. – Как раз вовремя. Кофе хочешь? У меня еще полтермоса этого дела имеется.

– Нет, – помотал головой я. – Не любитель. Чайку бы выпил с удовольствием, а кофе не люблю. Он горький. Пью по необходимости, но сейчас не тот случай.

– Если исходить из подобных вкусовых пристрастий, то ты и водку любить не должен, – заметила Евгения. – Она тоже не сильно вкусная.

– Так я и не люблю, – потянулся я. – И коньяк не жалую.

– Станный он, – обращаясь к напарнику, ткнула в мою сторону пальцем Мезенцева. – Кофе не пьет, водку не пьет, меня за задницу тогда не схватил, хотя возможность была практически легальная. Коль, стоит ли ему доверять?

– Если вопрос только в этом, я могу тебя за задницу прямо сейчас потрогать, – предложил я. – Нет проблем. А если пообещаешь по лицу меня не бить, то и за другие выпуклые части твоего трепетного юного тела. Это я всегда готов.

– Мяч на его стороне поля, – засмеялся оперативник. – Жень, парируй, отстаивай честь отдела.

Мезенцева подумала, почесала нос и показала мне язык.

– Тоже аргумент, – признал я. – Ладно, шутки шутками, а дело делом. Я так понимаю, нам вот в этот ангар надо?

То, что уродливое здание, рядом с которым стояла наша машина, являлось местом преступления, догадаться было несложно, больно много там было полосатых лент, которыми с недавнего времени, по примеру иностранных коллег, начали пользоваться наши органы правопорядка. Мол – «стой, здесь недавно кого-то убили».

– Ну да, – подтвердил Николай. – Но если напрямую, то я толком даже не представляю, где искать этого неприятного духа. Есть у меня подозрения, что тут вся территория его владения, и он по ночам всю ее дозором обходит, как Мороз Воевода из стихов поэта Некрасова.

– Оптимистично, – вздохнул я.

– Я так думаю, он учует, что ты здесь, – на этот раз совершенно серьезно сказала Женя. – И непременно придет на тебя посмотреть.

– Согласен, – поддержал ее оперативник. – Про что-то такое мне одна из наших сотрудниц рассказывала. По сути своей, призраки вообще-то практически лишены человеческих чувств как таковых. Но вот себе подобных или, того хуже, тех, кто пришел по их душу, они чувствуют будь здоров как.

– Каламбур, – хихикнула Мезенцева. – Души чувствуют тех, кто пришел по их душу.

– Этому каламбуру сто лет в обед, – сообщил ей Нифонтов. – Кстати, еще старые призраки, те, что задержались на Земле и очень не любят живых, обожают эманации страха. Думаю, они их как-то улавливают, и им эти ощущения очень нравятся.

– Говорили мне про такое, – подтвердил я. – Человеческий страх для них, как для нас хорошее вино. Он их бодрит, и на мгновение создает иллюзию того, что они живы.

Мне про это русалки рассказали, между прочим. Они же тоже в каком-то смысле призраки. Не такие, как прозрачные тени в лунном свете, но тем не менее.

Нежить, говоря по-простому. Нет в них жизни, а то, что есть, это одна иллюзия. И самая большая радость для них – забыться на дне водоема сном, в котором они снова будут живыми и настоящими, увидеть в нем лица тех, кто им когда-то был дорог, и ощутить внутри себя токи крови.

А чтобы получить эту награду, им надо забрать чью-то жизнь.

Вот и у призраков так же. Напугал кого-то – насытился его страхом. И вот тут-то в действие вступает абсолютно людская схема, которую бабушки у подъезда, созерцая помятого мужичка, утром бегущего в магазин, называют просто и емко: «Совсем спился».

Сначала призраки не хотят никого пугать, навещая бесплотными тенями дома родных и близких, но раньше или позже их кто-то замечает, и, что вполне естественно, изрядно пугается. Ну вот не любим мы, люди, визитеров с той стороны. Страшит нас Смерть в любом облики, напоминает о собственной бренности и о том, что нас ждет после того как... Ну вы поняли?

Ощувив нечто, что напомнило ему о прошлом, призрак начинает экспериментировать и со временем неминуемо входит во вкус. Как пьяница или наркоман, он существует от дозы до дозы. И чем сильнее человеческий страх, тем большее удовольствие он получает, потому и выходки его раз от раза становятся все страшнее и опасней для людей.

Души, как верно было замечено, у души нет, остатки последних сдерживающих социальных факторов исчезают с распадом личности, бояться призраку нечего – все плохое, что с ним могло случиться, уже случилось. Он мертв, и его не приняли ни наверху, ни внизу. Более того – теперь ему совершенно непонятно, есть ли там что-то вообще. В той жизни говорили, что есть, и в свете этого требовали соблюдения неких нравственных норм, но, судя по нынешней нежизни, выходит, что он никому не нужен. И еще – что ему ничего не грозит. Нельзя убить того, кто уже мертв.

По крайней мере, так думают они. Все-таки это бывшие люди. А людям свойственно полагать, что им известно все на свете. Но это не так.

На чужие беспризорные души всегда найдутся охотники. Есть колдуны, которые их заставляют служить себе с теми или иными целями, есть нечисть, которая

всегда найдет применение бесхозному добру. Да и ведьмы тоже своего не упустят.

И это только те, кого мне называли русалки. Думаю, есть и другие любители душеловства.

Жалко только они не объяснили мне, как именно, например, те же колдуны заставляют души себе служить. В смысле – технологически, от начала до конца, от поимки призрака до его разжалования из своих слуг.

И что вообще они ему поручают? Подслушивать? Подглядывать? Или чего похлеще?

А главное – как именно они их умудряются привязывать к себе? У любого, кто служит, что в обычном мире, что в этом, есть некий стимул. Ну или мотивация. Без нее никак. Вариантов этой мотивации немеряно – деньги, карьера, разные материальные блага, доза наркоты, три хрестоматийных щелбана по лбу служителя культа.

Но тут-то что? Какой интерес может быть у бесплотного существа, которое все, что было, оставило в прошлом?

Я, конечно, выдвинул тогда на берегу несколько версий, но ответа от русалок не получил. Они посмеялись, грудями потрясли, но сказать ничего не сказали. Так до сих пор и не знаю – угадал, не угадал.

Впрочем, не сильно и расстроился по этому поводу. Я не спешу, времени у меня много. Раньше или позже все равно узнаю. Опытным, так сказать, путем.

Пока я вспоминал и размышлял, Нифонтов, кстати, говорил практически про то же самое.

– Страшен не тот призрак, который в темноте по квартире ходит, – вещал он. – Это-то ладно. Неприятно, но что уж теперь. А вот те, которые ощутили эманации человеческой смерти – вот это беда так беда. Это как хищники в живой природе. Если тигр раз мяса человеческого поел, то все, его непременно отстреливать надо. Для него теперь человек самая желанная дичь. Вот с призраками так же. Если

перешел он грань, то хочешь не хочешь, надо на него охоту устраивать. А знаешь, как трудно старого сильного призрака упокоить?

– Не знаю, – честно ответил я.

– Очень. – Николай открыл дверь машины. – Я бы сказал – крайне. Теперь, правда, попроще будет, теперь у нас ты есть.

– У себя, – мягко произнес я, тоже выбираясь из салона.

– В смысле? – Нифонтов приложил ладони к пояснице и наклонился назад. – Уффф, хорошо!

– Я не у вас, – спинным мозгом чую, что все-таки размежевание интересов неминуемо. Если их сейчас не осадить, то запрыгнут они мне на спину и поедут. – Я у себя есть. Просто как-то не очень правильно выходит. В отдел к себе вы меня брать не хотите, а припахивать, похоже, собираетесь с завидной периодичностью. Коль, без обид, но прозвучало это именно так.

– А ты очень хочешь к нам в отдел? – прищурился оперативник.

– Боже сохрани! – замахал руками я. – Это так было сказано, для примера. Просто дружба дружбой, должок должком, но всегда есть некая реперная точка, под которой висит табличка «Грань между «надо» и «хочу»». Ты же понял, о чем я говорю?

– А зубки-то у него есть, – с непонятной интонацией произнесла Мезенцева и хлопнула меня по спине. – Хоть и новорожденный ведьмачок, а гонор уже прорезался.

– Не в гоноре дело, – повернулся к ней я. – Профессиональная привычка, знаешь ли. Договариваться об условиях сотрудничества, а также проговаривать права и обязанности сторон всегда надо «до», а не «после». Это азы.

– В накладе не останешься, – без тени улыбки сказал Николай. – Если надо будет заплатить – мы заплатим.

– Не надо вот этого всего, – попросил я его. – Сейчас не о деньгах речь идет.

– Хорошо, – возможно, мне показалось, но некий ледок, появившийся было в его голосе, пропал. – В любом случае, мы всегда найдем пути разумного компромисса.

– Ты, главное, покажи, что вообще на что-то годен, – бросила мне Мезенцева, натягивая куртку. – А то, может, ты вовсе «пшик» и все. Так, муляж.

По-моему, я все-таки потерял свое золотое место в ее сердце. Максималистка она, похоже.

Да и черт с ней. Моя задача сейчас дать им понять, что в обозримом будущем нельзя будет поступать так, как сегодня. То есть приезжать тогда, когда им этого захочется и тащить меня с собой невесть куда. Как минимум надо будет перед этим позвонить и поинтересоваться моим мнением на этот счет.

– Коль, еще один вопрос, – обратился я к оперативнику, который как раз щелкнул зажигалкой, прикуривая сигарету. – Помнишь, ты мне обещал подогнать книгу нашего общего друга?

– Какую книгу? – удивился Нифонтов. – Какого друга?

– Который на кладбище в канаву свалился и там шею свернул, – пояснил я.

– А, ты об этом. – Николай затаился сигаретой, а после ловко выпустил кольцо дыма. – Увы, дружище, увы. И рад бы тебе ее отдать был, да только к нам в руки она не попала. В офисе мы ее не обнаружили, хоть и перерыли в его кабинете все. Мы тогда СК на «хвост» сели, с ними в здание прошли. И в особняке его загородном тоже ничего не нашли. Я так думаю, у него где-то еще «лежка» была оборудована. Но где – фиг знает. Повторюсь – мы не нашли. Кабы еще его слугу прищучить и разговорить, то был бы толк, но и его тоже никто не видел. Как в воду канул.

– А мне кажется, что он умер после смерти хозяина, – неожиданно вступила в разговор Мезенцева. – Ведьмак сильно старый был, вот слуга с ним и сроднился до такой степени, что не пережил его гибели.

Как по мне – чушь полная. Погоревать слуга после смерти хозяина, конечно, может, Родька вон тоже сначала за Захаром Петровичем сильно убивался. Но умирать по этому поводу он точно не станет. И меня он тоже переживет.

Но вслух я этого говорить не стал. Не стоит расширять трещину, которая образовалась между мной и рыжей оперативницей. Я всегда исхожу из того принципа, что в этой жизни по возможности не стоит портить отношения с людьми сверх меры. Никогда не знаешь, как оно все дальше повернется, и кто когда тебе понадобится сможет. Ты сегодня с кем-то поругался, а завтра он окажется тем единственным человеком, который сможет тебе помочь. И что тогда делать?

Вот то-то и оно.

– Какой феерический бред, – сообщил напарнице Нифонтов. – Жень, поменьше романтики. Ну или выплескивай ее в другую область, что ли? Роман вон напиши, про дракона, принца и грудастую второкурсницу из нашего мира, которая к этим двоим попала и в обоих влюбилась, а после на «Самиздате» его выложи. И назови как-нибудь эдак... Ну я не знаю... «Между драконом и принцем».

Я не удержался от смешка, и заработал еще один неприязненный взгляд зеленых глаз Мезенцевой.

– Ладно. – Николай бросил окурок на асфальт, растоптал его носком черного кроссовка и глянул на звездное небо. – Однако почти ночь. Пошли сначала в этот ангар, есть причины, по которым именно с него стоит начать. Опять же – вдруг Женька права, и он притащится просто на тебя посмотреть? Ну а если до полуночи он не заявится, вызвоним Викторию, пусть она нам поможет.

– Лучше бы без нее обойтись, – высказала пожелание Мезенцева. – Я себя в ее присутствии не очень хорошо ощущаю. От Вики постоянно холодом веет, будто она вся изнутри промерзла. И слова доброго не дождешься. Да и вообще хоть какого-то. Только по работе если что скажет.

– Зато ты за двоих языком мелешь, – справедливо отметил Николай, а после сказал мне: – Вот, а ты еще к нам работать хочешь идти. Оно тебе надо?

– Не надо, – заверил его я. – Теперь уж точно. Пошли уже в ангар, а? Неуютно мне как-то.

И это было правдой. Не знаю почему, но я ощущал себя приблизительно так, как в свое время на корпоративе, когда меня на сцену вытащили, речь от отдела финансового мониторинга говорить. Ты на сцене стоишь, а на тебя все смотрят.

Хотя кто тут на меня глазеть мог – понятия не имею. Вокруг ни души, и в ангарах с окнами тоже никак.

Нифонтов, услышав мои слов, мигом посерьезнел и обвел взглядом окрестности.

– Вроде никого, – негромко сказал он мне. – Но даже если мы ничего не замечаем, это не означает, что дело обстоит именно так. Женя, страхуй нашего друга со спины.

– Все как всегда, – отозвалась Мезенцева. – Ты впереди, на лихом коне, а я, так сказать, в этой самой. Со спины страхую.

– Господи, – снова уставился в небо Нифонтов. – Ты хоть знак подай мне, разъясни непонятливому – вот в чем я так перед тобой провинился?

– Если покопаться в твоём прошлом, то найти можно, – уверенно заявила Евгения. – Как и у любого из нас. Ну кроме меня, разумеется.

– Саш, скажи, а вам в службу безопасности сотрудники не нужны? – направляясь к двери ангара, на ходу спросил меня оперативник. – Я просто знаю одного хорошего парня, с образованием, с опытом работы в государственных структурах.

– Без понятия, – отозвался я. – Но могу узнать, если хочешь.

– Если ты из отдела сбежишь на частные хлеба, то я тебе во снах являться буду, – пообещала Нифонтову его напарница. – Каждую ночь. И не голенькой, как бы ты того хотел, а в виде немого укора. Вот так буду на тебя смотреть, и еще пальчиком укоризненно грозить. Ты меня знаешь, я заморочусь, но способ, как это сделать, найду. А если погибну, по причине того, что меня никто не

подстраховал, так и в виде бестелесной сущности начну приходить. Ввек не отвяжешься.

– Язык прищепи! – уже не в шутку рассердился оперативник и сорвал с двери бумажку с синеющей на ней печатью. – Думай, что мелешь! И в чьей компании!

Мезенцева несколько раз хлопнула себя ладонью по губам и виновато потупилась.

Интересно, он под словом «компания» имел в виду себя или меня? Если меня – то это даже как-то очень обидно прозвучало.

Внутри ангар был еще неприглядней, чем снаружи, это я оценил сразу после того, как Нифонтов, войдя внутрь, дернул какой-то рубильник на стене, после чего зажглись тускловатые лампы. Хотя – это же не коттедж и не офис, а складское помещение, причем практически пустое. Только в центре была свалена куча частично поломанных деревянных поддонов из тех, на которые грузят плитку, стройматериалы и вообще что угодно, да по углам стояли какие-то металлические стеллажи. И все.

Впрочем, нет, не все. Неподалеку от груды поддонов, на полу я сразу заметил некий рисунок, который здорово смахивал на те, которые в сериале «Сверхъестественное» братья Винчестеры то и дело рисуют. Ну, круг и в нем куча непонятных завитушек, вроде как магических символов.

Сдается мне, именно на это творчество народов мира та самая Виктория, которую то и дело поминают мои спутники, приманивала местное привидение. И приманила, судя по тому, что круг выглядел частично выгоревшим изнутри.

Стало быть, соврал Нифонтов. Он-то говорил, что, мол, не хотят они с этим связываться. На деле же вон, все в наличии.

А еще тут обнаружилось неприятно выглядящее бурое пятно, в котором я без особых сложностей опознал засохшую кровь. И, судя по размеру этого пятна, она просто-таки хлестала из того, кого здесь препарировали. Хотя как оно по-другому может быть? Если человеку варварским способом в бытовых условиях вскрывают грудную клетку, то огромная кровопотеря неизбежна. Равно как и летальный исход.

Не могу сказать, чтобы я запаниковал, увидев всю эту красоту, но оптимизма мне она точно не добавила. Хотя я и заматерел маленько за последние месяцы, но привыкнуть ко всему этому окончательно довольно сложно.

– А почему мы пришли именно в этот ангар? – спросил я у оперативника, который стоял рядом с магическим символом и что-то пытался в нем рассмотреть. – Здесь убили последнюю жертву?

– Первую, – откликнулся Нифонтов. – Тут все началось.

– Не вижу логики, – почесал затылок я. – Разумнее было бы идти туда, где нашли последнюю. Так сказать – по свежим следам.

– Недопонимаешь, – возразил мне Николай. – Первая кровь всегда самая сильная. Ясно же, что это не гуль какой-нибудь орудует, что убивают людей не ради еды или удовольствия, а с какой-то четкой целью. Скажу больше – это, вероятнее всего, часть обряда или ритуала. А в них первая и последняя кровь самые сильные и знаковые. И, как правило, проливают их в одном и том же месте.

– Еще бы понять, что за ритуал, – вздохнула Евгения. – Тогда все намного упростилось бы.

И вот как только она договорила, я услышал сиплый звук, раздавшийся из дальнего и темного угла ангара. Старческий такой, деды, которые летом на лавочке у нашего подъезда «козла» забивают, подобным макарон то ли кашляют, то ли смеются.

А вот мои спутники ничего не слышали, это точно. Николай – тот воплощенное хладнокровие, он мог бы и вида не подать, но не Евгения. Она бы завертелась, как юла, и начала за кобуру хвататься.

– Надо же, – громко сказал я, стараясь не смотреть в тот угол. – Никогда бы не подумал. Мне казалось, что в ритуале главное не то, когда и где кровь пролили, а то, что это произошло.

– В серьезном ритуале все важно, – мрачно ответил мне Нифонтов. – Ну а если он из тех, что связаны с призывом каких-то сущностей, которым на нашем плане

бытия вообще не место, то особенно.

– Что бы ты понимал в призывах сущностей! – услышал я голос, причем глумливый донельзя. – Сопляк! Не можешь отличить ритуальное убийство от обычного, а туда же!

Я по-прежнему не видел того, кто это говорил, но одно мне было ясно – это тот, кто нужен оперативникам. И этот «кто-то» на редкость неприятная личность, по голосу слышно.

У меня в голове пронеслось сразу несколько вариантов развития событий. Можно и дальше его провоцировать, выведывая крохи информации вот таким же ассоциативным способом. Можно еще его немного разозлить, нелестно отозвавшись о местных призраках, которые мух не ловят и дают на своей территории творить подобные вещи. Правда, этот вариант чреват тем, что призрак может не немного разозлиться, а изрядно.

А еще можно не темнить и дать этой сущности понять, что я знаю о ее присутствии. От «противного» вариант, но почему бы и нет? В конце концов, что могу, то и делаю. Им был нужен призрак? Вот он. Поговорить с ним надо? Чем смогу – помогу.

– Так это было не ритуальное убийство? – я уставился в темный угол. – О как. А если поподробнее?

Женька было открыла рот, чтобы что-то сказать, но Нифонтов остановил ее, ухватив за руку. Он сразу все понял.

– Думал – померещилось, – сообщила темнота. – Так ты ведьмак.

– Ведьмак, – подтвердил я. – А что в этом удивительного?

– Да как же, – снова захекала темнота. – Две ищейки из шифровального отдела ОГПУ в компании с ведьмаком! Да такого сроду-роду не было! Ладно, чародейку они с собой в тот раз притащили, те на них всегда работали, но чтобы ведьмак с этими псами в одной упряжке ходил... Никогда эдакого дива не видел.

Сдается мне, что есть в моих познаниях о мире Ночи огромный пробел, в разделе, где содержатся знания о том, с кем дружить можно, а с кем нельзя.

И еще – интересная, должно быть, история у того отдела, в котором эти двое работают. Как их только ни называли – и «судными дьяками», и «коллежскими ассессорами». Хотя последнее, возможно, больше указывает на социальный статус, чем на профессию. А теперь к чему-то еще и шифровальный отдел ОГПУ приплели. Кстати, причем тут это-то? Или в те времена, когда ОГПУ было, их предшественники заодно и шифрованием занимались?

– Время идет, все меняется, – решил немного реабилитировать себя я. – Двадцать первый век на дворе.

– Может, и так, – ответил мне невидимый собеседник. – Только вот вашего брата эти brave ребята как в старые времена особо не жалели, так и сегодня жалеть не будут.

И вот тут я наконец увидел того, с кем вел разговор. Это был старик, естественно, полупрозрачный, как и положено порядочному привидению. И, разумеется, довольно мерзкого вида. Особенно впечатляла его голова, рассеченная на две части аж до самого рта, и босые ноги, покрытые огромными язвами, такими, какие остаются после серьезных ожогов. Сдается мне, что последние минуты жизни этого старикана были сильно неприятными. Кстати, и призрачная одежда была вся в лоскуты порезана, как видно, ногами дело не ограничилось. Пытали перед смертью этого старика изрядно.

– Красив? – не без удовлетворения поинтересовался у меня призрак.

– Не то слово, – подтвердил я. – Это за что же с тобой так распорядились?

– Да было за что, – знакомо заперхал старик. – Обещал я одному лихому человеку дело его добыть на Лубянке, да ему передать, за мзду, само собой. Когда в восемнадцатом году ВЧК из Петрограда в Москву переехало, они же с собой все архивы привезли, дело это среди них лежало. Да вот беда – не смог. А человечек этот мне не поверил, подумал, что я на него решил чекистов навести. Ноги мне огнем жег, тело ножом резал, а после топором череп раскроил. Эх, мне бы, дураку, ему встречу не тут назначить, а где в другом месте. Убить бы он меня все одно убил, но мучений было бы меньше.

Интересный какой старичок. Он, наверное, Дзержинского видел. И даже Ленина. Круто!

– Сочувствую, – произнес я – Но это дела минувших дней. Мне бы поподробней узнать о том, что здесь произошло.

– Здесь-то? – призрак подлетел ко мне поближе, его рот скривился в безобразной гримасе. – Смертоубийство, что же еще! Бедолаге одному тварь сердце вырвала и с собой утащила.

– Что за тварь? – по возможности мягко, стараясь не обращать внимания на глумливые интонации, спросил я. – Откуда она взялась, где прячется?

– И где же она прячется? – повертел головой призрак, причем одна ее часть не успевала за другой, смотрелось это прямо-таки по-мультяшному, я чуть не улыбнулся. – Где? Там нет. И там нет. А в карманах у меня? Эх, беда-досада, тоже нет.

И старик похлопал себя ладонями по лохмотьям, как бы демонстрируя мне, что и вправду у него ничего нет.

– Шутку оценил, – уже более жестко произнес я. – Смешно. А теперь ближе к делу.

– Это можно, – покладисто согласился призрак. – У меня и ответ припасен на все твои вопросы. Да вот он!

И у меня перед носом оказался кукиш, сложенный из сине-прозрачных пальцев руки. Сей жест сопровождался на редкость неприятным ухающим зауспокойным смехом.

– Ну, как тебе мой ответец? – заливался призрачный старик. – Нет, только подумай – приперся сюда и думает, что все по его будет! Ты, дурак такой, радуйся, если я вас отсюда вообще отпущу живыми! Раз простил, два простил, даже чародейку с рук спустил, но всему же предел есть! Ведьмака мне сюда притащили! Я людей всегда терпеть не мог, а с тех пор, как вы травы на моей могиле повадились обрывать, и вовсе ненавижу!

Ну насчет того, что он не выпустит нас отсюда живыми, призрак перегнул, и изрядно. Как бы он ни был силен, с нами ему не совладать. Хотя на несведущего человека его облик мог произвести впечатление, что да, то да. Да я сам, к примеру, увидь такое где-то в начале лета, так непременно бы очень проникся. Не до смерти, понятное дело, и не до испачканных штанов, но изрядно. Скажем так – долго бы еще со включенным светом спал после такого.

А призрак еще и жути поднагнуть решил – на моих глазах с его разваленной на две части головы исчезло то, что с натяжкой можно было назвать лицом, и теперь на меня издевательски таращились пустые глазницы черепа.

Не знаю почему, но именно это меня выбесило окончательно. Правильно Вавила Силыч говорил – не со всеми в мире Ночи можно вопросы по-хорошему решить, кое-кого надо сразу на место ставить. А отдельных, особо непонятливых, и на колени, чтобы знали, с кем разговаривают. Я, понятное дело, фигура пока что невеликая, не сказать – никакая, но терпеть подобное не собираюсь. К тому же что у них, что у нас наверняка действует один и тот же закон – если хоть раз подставился доброй волей, то на второй тебя уже никто спрашивать не будет, просто нагнут, да и... Невесело будет, короче.

Причем о том, как именно мне удастся показать кто есть кто разошедшемуся призраку, я как-то и не задумывался. Собственно, все, что я пока умел делать, это отпускать те души, которые сами не против покинуть земную юдоль. Как задать перцу тем, кому и здесь неплохо, мне было неизвестно.

Но я поступил просто и привычно, так, как много раз это проделывал в своей беспокойной юности. В ней у меня перед лицом много раз махали кулаками, и тогда я этого тоже очень не любил. Проще говоря, цапнул привидение за запястье и с силой крутанул его руку, добавив при этом:

– Страх совсем потерял, хрень бесплотная!

Самое забавное было в том, что мои слова частично противоречили тому, что я сделал. Призрак оказался вовсе не бесплотным. Правда, назвать то, что ощутили мои пальцы, чем-то материальным тоже нельзя. Более всего это было похоже на обжигающе-ледяное желе. Не очень приятные ощущения, не стану скрывать. В руку будто моментально впились сотни маленьких иголок. Я как-то в детстве сдуру цапнул из коробки с мороженым сухой лед, вот это очень похоже по

ощущениям.

Но я – ладно. Как же этим всем был ошарашен мерзкий старикашка! Во-первых, мое движение заставило крутануться его вокруг своей оси, причем к концу оборота череп снова оброс призрачным мясом, после чего обрел пусть и неприглядные, но зато оригинальные черты. Во-вторых, он явно ничего подобного не ожидал, за десятилетия привыкнув к собственной неуязвимости.

Но это все ничего. Главная неприятность у него была впереди. Старик привык к тому, что его существование пусть и неказисто, но зато полностью защищено от всех неприятностей материального мира. Например, таких, как боль и страх. Я же заставил его вспомнить о том, что это такое, поскольку сначала к этой нежити пришла боль, а после возвратился и страх.

Запястье его руки, за которое я схватился, стремительно начало менять свой цвет, из нереально-голубоватого становясь багровым. Мало того – я начала ощущать, как рука старика истончается, словно тает.

Сам же призрак орал благим матом, требуя, чтобы я его отпустил.

– Да нет проблем, – даже обрадовался я и выставил перед собой ладонь второй руки, делая вид, что вот-вот припечатаю ее к его лбу. – Как скажешь. Правда, уж не знаю, куда тебя после этого занесет, но что не в рай – это точно.

– Не надо, а? – жалобно проскулил старик и снова громко заорал, поскольку я, опасаясь, что вот-вот кисть призрака оторвется, перехватил его руку повыше, ближе к локтю, тем самым добавив нежити новых болевых ощущений. – Ну не знал я, что ты не травник и не целитель! В вашем племени других ведь и не бывает почти! Кабы сразу понял, что ты из слуг Мары, то даже носу бы сюда не показал!

Мары? Что за Мара такая? И с какого перепугу я стал ее слугой? Мы не рабы, рабы не мы.

– Говори, что видел! – потребовал Нифонтов. – Быстро, пока он не сделал то, что обещал!

Оказывается, после всех этих манипуляций и кульбитов, старика-призрака узрели и оперативники. Слетела с него невидимость.

– Все расскажу! – заверещал призрак. – Но пусть он меня сначала отпусти-и-ит!

Глава шестая

– Отпусти его, – сказал Нифонтов.

– Сбежит ведь, – в один голос сказали мы с Евгенией, причем интонация была одинаковой у обоих.

– Никуда он не сбежит, – оперативник подошел к извивающемуся, словно угорь на крючке, призраку. – Верно?

– Верно, верно, – истово произнес старик. – Обещаю, все расскажу! И покажу! Только пусть твой ведьмак руку мою отпустит!

– Саш, – в голосе обратившегося ко мне оперативника я услышал даже не просьбу, а приказ, и это мне очень не понравилось.

Ладно, хозяин – барин, пусть будет так. В конце концов, не мне это нужно. Хотя – вру. Жалко будет, если этот красавец улизнет, поскольку и у меня к нему кое-какие вопросы появились.

Как только я разомкнул свои пальцы, призрачный дед зашипел, как масло на раскаленной сковородке, и немедленно принялся нянчить свою конечность. Кстати, очень необычная цветовая гамма получилась – прозрачно-голубая рука с багровыми вкраплениями там, где отпечатались мои пальцы.

– Говори, – потребовал Нифонтов. – Кто, что, где?

Призрак злобно на него зыркнул, но, против наших с Женькой ожиданий, и не подумал сбегать, а, напротив, выполнил приказ.

– Никакой это не ритуал, – сообщил он нам. – Обычное убийство.

– Да ладно? – с сомнением прищурился Николай. – Слабо верится.

– Ладно, не очень обычное, – признал призрак. – Четверых этих не человек убил, а магией призванная тварюка порвала, что есть – то есть. Но это не жертвоприношение. Людей убили вовсе не для того, чтобы выгоду какую с той стороны получить или для чего-то в этом роде. Просто вот этот сарай железный, и еще десятка два таких же по соседству кое-кому приглянулись, понимаешь? А тот мужик, что их арендует, отказался идти на уступки. Сам этот разговор слышал с месяц назад. Ему и деньги предлагали, и еще чего-то, и запугивать пытались, а он знай всех посылает куда подальше.

– Я фигею, дорогая редакция! – изумленно произнесла Мезенцева. – И чем дальше, тем больше.

– Зато теперь все более-менее встало на свои места, – подытожил Нифонтов. – Кстати, очень элегантно придумано. Сама посуди – преступление есть, а следов нет. Наши коллеги ведь ничего не найдут, в лучшем случае выжженные пентакли там, где эту тварь призывали. И даже внимания на них не обратят, потому что не свяжут одно с другим, подумают, что сатанисты баловались, это обычное по нашим временам дело. И никто ничего никогда не докажет. А цели своей тот, кто это все устроил, добьется наверняка. Убийства-то не прекратятся до тех пор, пока упрямец на попятную не пойдет.

– Уже пошел, – подал голос призрак. – Четвертый покойничек троюродным братом хозяина ангаров был. Тело в авто специальное еще погрузить не успели, а хозяин этот уже позвонил кому-то и сказал, что готов все подписать. Ну и условия начал обговаривать. Смерть смертью, а деньги деньгами. Только, думаю, все одно получит мзду меньше, чем мог бы вначале.

– Если честно – хрень какая-то, – наконец высказался и я. – Тут же ангаров – пруд пруди, чего кто-то именно к этим привязался? Что в них такого?

– Это северная часть порта, – сказал призрак.

– И? – по-прежнему ничего не понимал я.

– В северной части любые помещения всегда заняты, – пояснил старик брюзгливо. – Ты не смотри, что сейчас здесь пусто, это просто давеча товары вывезли. А вот в южной части, особенно на дальних территориях, есть ангара, которые месяцами порожняком стоят. Там есть пара таких мест, куда даже я не суюсь, понятно?

– Не понятно, – опять начал злиться я. – Причем от слова «совсем».

– Северная часть порта стоит близ воды! – проорал призрак, который, похоже, тоже потихоньку выходил из себя. – И не просто воды, а текучей, то есть – реки! Пусть даже и засранной людьми до невозможности. А южная – там, где раньше было болото! И не какое-то простое, а то, которое в народе прозвали «Сукино». Ни на какие мысли такое название не наводит?

– Мало мы с тобой еще знаем, Женька, – сказал напарнице Нифонтов, причем без малейшей иронии или издевки. – Надо больше читать. Если бы мы за эту ниточку сразу потянули, то, может, пары смертей и не случилось бы. Скажи, старик, он ведь эту тварь как раз там, на южной территории, вызывал?

– Конечно, – подтвердил призрак. – Есть там один ангар, ржавый донельзя, так его не то что я, даже крысы стороной огибают. Потому как стоит он в аккурат на том самом месте, где когда-то местный трясинный царь жил. Вот в нем этот дурак тварь из небытия и вызывал. А ей чего ж не прийти? Милое дело. И место самое что ни на есть подходящее, и смертью там смердит так, что будь здоров. Этот порт кто строил-то, знаете?

– Нет, – сразу ответил я, Нифонтов и Мезенцева чуть погодя ответили так же.

– Заключение его строили, в конце тридцатых, по большей части политические, – отчего-то с долей злорадства поведал нам старикан. – Воры – они социально близкими значились, а эти умники никому тогда не нужны уже были, ни живые, ни мертвые. Тут и сейчас, если поглубже копнуть, либо череп выкопашь, либо кости. Так что для призыва зверюки из небытия здесь все замечательно подходит. А ей и в радость! Тем более что на закуску еще и душа человечья с сердцем достанется.

– Все равно непонятно, – гнул свою линию я. – Ну ладно, мы с вами знаем, что тут вода, а там погано. Но остальные-то? Арендаторам-то откуда ведомо, что за

этим всем есть вот такая подоплека?

– Народная молва, приметы, традиции, – объяснил мне Нифонтов, и призрак, соглашаясь с ним, кивнул. – Здесь товар всегда в порядке, а там, небось, то все сгниет в одну ночь, то подмокнет, или еще что. Да, старый?

– Так и есть, – подтвердил призрак. – Не всегда и не все, конечно. С той же тяжелой техникой ничего не будет, что ей сделается? Но вот с чем попроще – это да, всякое случается. Особенно тканям достается. Последним трясиным царем здесь колдун был, которого в этом самом болоте живьем утопили. Руки-ноги местные крестьяне ему связали, сукном крепким обмотали, да и сунули в чарусью вперед головой. Правда, потом пожалели, конечно. Помереть-то он помер, да больно крепок душой оказался. Прибил местного трясинника и сам его место занял. Ох, много народу в этом болоте смерть нашло! А уж когда его осушали, что он творил! Я, кстати, до той поры, пока порт не построили, сам под кочками полтора десятка лет прятался, чтобы он меня не учуял. К такому в рабство попадешь – света не взвидишь!

– А что с ним потом стало? – любопытствовал я. – После того, как болото осушили?

– Нет болота – нет трясинника, – со знанием дела пояснил мне призрак. – Колдун-то он был колдун, да ведь договор со стоялой водой никто не отменял, тот, что он после смерти старого трясинника заключил. Воде стоялой души, что он загубил, а та ему за это жизнь вечную и власть безграничную над болотом. А как стоялой воды не стало, так и он окочурился.

Чем дальше, тем больше новой информации. Теперь вот какая-то «стоялая вода» появилась. Нет, интуитивно я понимаю, о чем идет речь, но все равно ощущаю свою тотальную неграмотность в восприятии этого нового для меня мира. Хотя это нормальное ощущение, на самом деле. Если человек попадает в новую для себя среду и через пару дней говорит, что ему уже все понятно и привычно, то он непременно врет. Так не бывает. Чтобы уловить закономерности и упорядочить все полученные данные, в любом случае нужно время.

Я вот, когда только пришел в банк работать, более-менее освоился только к концу первого месяца. Причем куда сильнее «менее», чем «более».

А в самый первый день вообще приполз домой, сполз по стеночке в коридоре и грустно сказал своему отражению в зеркале:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/vasil-ev_andrey/znaki-nochi

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)